

Лев Толстой

ОБ ИСТИННОЙ ЖИЗНИ

(Упрощенное изложение книги: «О жизни» Л.Н. Толстого, исправленное и одобренное автором)

Вместо предисловия предлагаю мой текст из форума "Вегетарианство и духовность":

И так уж совпало, что наша с вами дискуссия идёт как раз в то время, когда я читаю именно следующие писания Льва Толстого: "Понятие жизни" и "Об истинной жизни" (упрощённый вариант, одобренный Толстым).

Так вот, через призму этих книг становится совершенно ясным, почему мы спорим, а не помогаем друг другу в вегетарианстве и духовности:

Причина проста:

1. Вы придерживаетесь взгляда, что **жизнь человеческая** это то, что начинается в день рождения и заканчивается в день смерти, то есть плотская жизнь это и есть жизнь человека (материализм и бездуховная современная наука именно это и долдонят со всех углов).

2. Я вместе с Толстым думаю по-другому: жизнь человека **зарождается** в человеческом теле: человек это **разум (дух)**, который вселяется в это тело и подчиняет его себе.

Что касается оснований для такого моего взгляда, то они есть, причём весьма веские. Надюсь Вы понимаете, что я излагаю сейчас собственный опыт и мысли, а не книжную премудрость.

Итак, я не тело, потому что **тело живёт само по себе!** Что мне подвластно, так это немного управлять мышцами да голосовыми связками. А в остальном тело живёт своей биологической жизнью.

Я не могу остановить никакие процессы в нём (дыхание, сердцебиение, обмен веществ, пищеварение и тд), **не могу менять** его форму, силу, **не могу заставить** вырасти и выпасть волосы, **не могу менять цвет** волос, глаз, кожи, **не могу** выздороветь или заболеть по своему произволу, **не могу умереть телесно**, когда хочется...

Вот поэтому-то я не тело. Тогда что же я? А я дух, который получил это тело, как инструмент для действия на материальном уровне. Сам же дух живёт в ином, духовном измерении, где царят **иные ценности**, нежели здешние.

Это телу хочется повкуснее пожрать, послаще потрахаться, попьянее напиться, подоминировать над людьми через власть и богатство и т.д. Это сплошная зоология, дарвинизм и всё такое.

Но я дух! И мне нужно другое от жизни. Мне нужен **СМЫСЛ**, а телу смысл не нужен! **Я хочу жить разумно**, а не "жить, раз уж жив". И признаю такое же право за всеми другим людьми, которых считаю **равными себе**.

Вот поэтому я и **подчиняю плоть** своей разумной воле, **отрицаю** материалистические ценности ("вкусно", "приятно"...) и стремления ("власть", "деньги", "секс", "убийство", "неравенство"...).

И вегетарианство напрямую связано с моим стремлением жить осмысленно и духовно. Я это ясно сознаю и чувствую в самом себе. И что удивительно ;о)), многие думают так же, как и я. Приведу слова, например, АЛЬБЕРТА ШВЕЙЦЕРА (автора этики **благоговения перед жизнью**):

Человека можно назвать духовным (нравственным) только тогда, когда он следует лежащему на нём долгу оберегать всё живое, что он в состоянии защитить, и когда он идёт своей дорогой, избегать, насколько это возможно, причинять вред живому. Такой человек не задаётся вопросом, насколько та или иная форма жизни заслуживает симпатии к себе или насколько она способна чувствовать. Для него священна жизнь как таковая. Он не ломает сосульку, что сверкает на солнце, не сорвёт лист с дерева, не тронет цветок и постарается не раздавить ни одно насекомое при ходьбе. Если он работает летним вечером при свете лампы, он скорее закроет окно и будет работать в духоте, нежели наблюдать как один за другим мотыльки падают на его стол с опалёнными крыльями.

Вот поэтому я вегетарианец и поэтому я утверждаю и отстаиваю то, что я утверждаю и отстаиваю: что человек должен быть вегетарианцем, ибо человек должен жить духовно, духовными целями и ценностями, первой из которых является заповедь **НЕ УБИЙ НИКОГО ЖИВОГО!**

Марсель из Казани, 3 дек. 2005 г.

marsexx yandex.ru

Примечание: в тексте сделаны мною: заметки в [квадратных скобках] и акцентирование маркером (очень важно, важно, важно о плохом)

Глава 1 Не может быть счастлив тот, кто ищет блага для одного себя

Глава 2 Люди давно поняли несообразность жизни только для себя, и лучшие люди всегда учили такой жизни, которая не имеет этой несообразности; но книжники и фарисеи скрывают от людей истинное учение

Глава 3 Заблуждение ученых книжников

Глава 4 Книжники признают только плотское существование человека; они думают, что вся жизнь человека только и состоит, что в жизни его тела

Глава 5 Люди, которые не находят смысла жизни ни у себя, ни у фарисеев, ни у книжников, живут согласно существующим обычаям, хотя и не видят в них никакого разумного смысла

Глава 6 Внутреннее раздвоение человека, живущего мирскою жизнью

Глава 7 Внутреннее раздвоение в человеке происходит от того, что он смешивает свою животную, плотскую жизнь с своей человеческой, духовною

Глава 8 На самом деле раздвоения и несообразности нет в человеческой жизни, они являются только при ложном учении

Глава 9 Рождение истинной жизни в человеке

Глава 10 Разум открывает человеку тот закон, по которому должна совершаться его жизнь

Глава 11 Истинная жизнь человеческая не зависит от места и времени

Глава 12 Истинная человеческая жизнь ведет к отречению от блага плотского существования

Глава 13 Плотское существование есть орудие жизни

Глава 14 Рождение духом

Глава 15 Чего требует разум

Глава 16 Еще доказательство того же

Глава 17 Требования плотского существования как будто не согласуются с требованиями высшего разума. требуется не отречение от плотского существования, а подчинение его разумению

Глава 18 Чувство любви является тогда, когда человеческое существо подчиняется духовному разумению

Глава 19 Истинная любовь не может быть у тех людей, которые не понимают смысла своей жизни

Глава 20 Истинная любовь происходит от отречения человека от блага своего отдельного существа

Глава 21 Любовь есть единое и полное проявление истинной жизни

«О ЖИЗНИ»: история писания.

Курсивом печатаются места, составляющий написания рукой Л.Н. Толстого.

ГЛАВА 1

НЕ МОЖЕТ БЫТЬ СЧАСТЛИВ ТОТ, КТО ИЩЕТ БЛАГА ДЛЯ ОДНОГО СЕБЯ

Живет всякий человек для того, чтобы ему было хорошо — для своего блага. Когда человек не желает себе блага, то он не чувствует даже, что живет. Человек и понять не может, чтобы можно было жить и не **желать себе блага**. Жить для каждого человека — все равно, что желать блага и **добиваться** его; и, наоборот, **желать и добиваться блага — все равно, что жить**. [Жизнь=воля к благу. Благо≠телесное удовольствие, ведь "себе" — это не телу, но своему **высшему Я, духу!**]

Человек чувствует жизнь в себе самом, и — только в себе одном. Сначала, пока он не понял истинного смысла жизни, человек думает, что благо *есть только то, что благо для него* одного. Ему сначала кажется, что живет, истинно живет, только он один. Жизнь других людей кажется ему не такою, как своя, она кажется ему только подобием жизни. *Свою жизнь человек чувствует*; а чужую жизнь он только видит со стороны. *Он не чувствует ее и только потому, что видит чужую жизнь, узнает*, что и другие люди как будто живут. Что он сам живет, это

каждый человек знает и не может ни на минуту перестать знать это. Про жизнь других людей человек знает только тогда, когда он хочет думать о них. Вот почему и кажется человеку, что по-настоящему живет только он один. Такой человек, если и не желает зла другим, то только потому, что ему самому неприятны страдания других. Если он и желает людям добра, то совсем не так, как себе: себе он желает добра для того, чтобы ему самому было хорошо, другим же он желает добра не для того, чтобы им было хорошо, а только для того, чтобы ннему, глядя на их радость, *самому было приятнее*. Такой человек дорожит благом только своей жизни; ему важно и нужно только, чтобы ему самому было хорошо.

И вот, когда человек этот начинает добиваться своего блага, то он сейчас же видит, что сам по себе он не может его достичь, потому что **благо это находится во власти других людей**. Он всматривается в жизнь других людей и видит, что все они, как и он сам, и как все животные, — имеют такое же точно понятие о жизни. Точно так же, как и он, они чувствуют только свою жизнь и свое благо, **считают только свою жизнь важною и настоящею** [эгоизм], и точно так же их благо находится во власти других людей. Человек видит, что каждое живое существо ищет своего собственного маленького блага, и для этого готово отнимать благо у других существ, даже лишая их жизни, — готово лишить блага и жизни его самого. И когда человек сообразит это и станет присматриваться к жизни, то он видит, что так оно и есть на самом деле: не только одно какое-нибудь существо или десяток существ, а все бесчисленные существа мира, для достижения своего блага, всякую минуту готовы уничтожить его самого, — того, для которого одного, как ему кажется, и существует жизнь. И когда человек ясно *поймет* это, то он видит, что *трудно ему добыть себе то собственное благо, без которого, ему кажется, он и жить не может*.

И чем дольше человек живет, тем больше он на деле убеждается в том, что это так. Он участвует в жизни человечества. Жизнь эта составлена из отдельных людей, которые волей-неволею связаны между собой. А между тем люди эти желают каждый своего собственного блага и для этого готовы истребить и съесть один другого. Видя это, человек убеждается в том, что такая жизнь не может быть для него благом, но будет, наверное, великим злом.

Но мало этого: «Ты тянешь, и он тянет: кто ни перетянет, а обоим падать». Если даже человек окажется сильнее других и может взять над ними верх, то и тогда разум и опыт его очень скоро показывают ему, что те удовольствия, которые он урывает для себя у других, — не настоящее благо [Удовольствие≠Благо], а только подобие блага, потому что чем больше он пользуется ими, тем больше он чувствует те страдания, которые всегда наступают после них. Чем больше живет такой человек, тем яснее он видит, что удовольствий становится все меньше и меньше, а скуки, пресыщения, трудов, страданий — все больше и больше.

Но мало и этого: когда он начинает болеть и ослабевать, и *видит* болезни, старость и смерть других людей, то он с ужасом *начинает понимать*, что он сам, — то, что для него дороже всего, — с каждым часом приближается к ослаблению, старости и смерти. [Это всегда и для всех... Нет исключений.] Кроме того, что другие люди готовы его погубить; кроме того, что страдания его неминуемо усиливаются; кроме всего этого, такой человек *начинает понимать*, что жизнь его есть не что иное, как только постоянное приближение к смерти, которая непременно уничтожит столь *дорогого* ему *самого себя* со всем его благом. Человек видит, что он только и делает, что борется со всем миром, и что борьба эта ему не по силам. Он видит, что он ищет удовольствий, которые только подобия блага и всегда кончаются страданиями [Чем больше удовольствий, тем быстрее изнашивается и разрушается тело (алкоголики, наркоманы, обжоры, распутники

заболевают и умирают очень быстро... — а стоило ли тогда вообще жить???)]; *видит*, что он хочет *сделать невозможное*: удержать жизнь, которую нельзя удержать. Он видит, что, когда желает блага и жизни только самому себе, то добиться этого блага и этой жизни и удержать их он никак не может.

То, что для такого человека важнее и нужнее всего, — *он сам, то, в чем одном* он полагает свою жизнь, — то гибнет, то будет кости, черви; а то, что для него не нужно, не важно и не понятно — *весь мир Божий, то останется и будет жить вечно*. Оказывается, что та единственная жизнь, которую такой человек чувствует и бережет, — обманчива и невозможна; а *жизнь вне его*, та, которую он не любит, не чувствует и не знает, — *она-то и есть единая настоящая жизнь*. *Он видит, что то, чего он не чувствует, то только и имеет ту жизнь, которую он один желал бы иметь*. И это не то, что так кажется человеку, когда он унывает или падает духом. Это не такая мысль, которая *находит от тоски* и может пройти, когда человек повеселеет. Нет, — это *самая очевидная и несомненная истина*, и если мысль эта хоть раз придет человеку, или другие хоть раз растолкуют ее ему, то *он никогда не отделается от нее, ничем ее из себя не выжжет*. [Это пережил сам Л. Толстой! (например, его "Записки сумасшедшего")]

ГЛАВА 2

ЛЮДИ ДАВНО ПОНЯЛИ НЕСООБРАЗНОСТЬ ЖИЗНИ ТОЛЬКО ДЛЯ СЕБЯ, И ЛУЧШИЕ ЛЮДИ ВСЕГДА УЧИЛИ ТАКОЙ ЖИЗНИ, КОТОРАЯ НЕ ИМЕЕТ ЭТОЙ НЕСООБРАЗНОСТИ; НО КНИЖНИКИ И ФАРИСЕИ СКРЫВАЮТ ОТ ЛЮДЕЙ ИСТИННОЕ УЧЕНИЕ

Выходит, что человек сначала ищет блага только для самого себя, но не *находит этого* блага. Если бы он и *нашел* для себя *что-то*, похожее на благо, то все-таки он знает, что жизнь его все равно с каждым часом, с каждым дыханием приближается к тому, что для него есть величайшее зло, к страданиям, к смерти, к уничтожению.

Это ясно всякому, кто сколько-нибудь соображает, будь он молодой или старый, ученый или неученый. *И это знали разумные люди с самых древних времен*.

Давно уже люди *поняли то*, что если бы все люди думали только о своем собственном благе, то все они уничтожили бы друг друга, и сами бы уничтожились [Поэтому социальный дарвинизм **не верен!**]. *Люди поняли, что такая жизнь была бы зла и бессмысленна, и что потому истинная жизнь не может быть такою*. Эта *невозможность* жизни для одного себя с давних пор была *понята* и указана великими мудрецами всех народов, — мудрецами и Индийскими, и Китайскими, и Египетскими, и Греческими, и Еврейскими. С самых древних времен *человеческий разум, поняв, что нет блага для отдельного человека*, искал и старался понять такое благо, которое не уничтожилось бы ни

борьбой людей между собою, ни страданиями, ни смертью. *Просвещение* людей от самых древних времен и до наших дней заключалось и заключается только в нахождении какого **истинного блага человека**, которое ничем не нарушается, и в уяснении его так, чтобы каждый мог понимать это.

Во все времена, у самых различных народов, великие учителя указывали людям такое благо и такую жизнь, которые *точно были благом и точно были жизнью*. А так как все люди в одном положении, и для всех одинаково невозможно найти каждому человеку благо для себя одного, то и учения всех мудрецов о том, что есть истинное благо и истинная жизнь, одинаково находят и указывают его не в самом человеке, а вне его.

Китайский мудрец Конфуций еще за 600 лет до Рождества Христова сказал: «Жизнь — это распространение того света, который для блага людей сошел в них с неба».

Индийские брамины (священники) около того же времени говорили: «Жизнь — это улучшение душ, которые достигают все большего и большего блага».

Индийский мудрец Будда, живший тогда же, сказал: «Жизнь — это отречение от себя для достижения блаженства».

Китайский учитель Лао-Дзы тогда же говорил: «Жизнь — это путь смирения и унижения для достижения блага».

Еврейская мудрость говорит в Библии: «Жизнь — это то, что вдунул Бог в ноздри человека для того, чтобы он через исполнение закона Божьего получил благо».

Мудрецы-стойки сказали: «Жизнь — это подчинение разуму, которое дает благо человеку».

Христос же, который жил после всех этих мудрецов, дал такое указание истинной жизни, которое соединило в себе все указания прежних мудрецов. Он сказал: «Жизнь — это любовь к Богу и ближнему, которая дает благо человеку».

Вот как, еще за тысячи лет до нас, великие мудрецы указывали людям настоящее, неуничтожаемое благо, вместо ложного и несообразного искания блага для себя одного.

Можно не соглашаться с этими мудрецами, можно предполагать, что есть другие, более верные *учения о смысле жизни*; но во всяком случае ясно, что мудрецы эти дают вместо искания блага для себя одного, *которого нельзя получить, такое учение, по которому это благо, которого ищет человек, получается человеком*. По словам их видно, что благо, которое ищет человек, достижимо. И на деле выходит, что много миллионов людей и прежде признавали и признают теперь такое понимание жизни и блага, и показывают, что возможно вместо искания блага только для себя одного стремиться к такому благу, которое ничем не нарушается.

Но не все люди так понимают жизнь. Другие миллионы людей не понимают истинного смысла жизни и живут одною плотскою жизнью.

Они не только не понимают того, что говорили мудрецы о *той истинной жизни, которая спасает от бедственной жизни для одного себя*, но даже не замечают того, что *жизнь для одного себя не может не быть бедственной*. Среди этих людей всегда были и теперь есть еще такие люди, которые считают себя *учителями* народа. Они сами не понимают смысла человеческой жизни, но, как слепые вожди слепых, учили и учат других людей тому, чего сами не понимают;

они учат, что настоящая жизнь человека есть именно *та невозможная* жизнь, при которой человек ищет блага для себя одного.

Одни из этих ложных учителей на словах исповедуют учения мудрецов, которые почитаются в их стране, но не понимают *настоящего* смысла этих учений. Так в христианских странах *эти ложные учителя называют себя христианами, но не понимают самого смысла учения Христа*. Во всех странах эти ложные учителя пристраиваются к тому из великих учений о жизни, которое в их земле почитается народом, будь это учение Браминское, Буддийское, Таосийское, Еврейское или Христианское, но вместо этих учений проповедуют свои выдумки о разных чудесных откровениях, о прошлой и будущей жизни людей и требуют исполнения *выдуманных ими* обрядов. Они учат, что вся земная жизнь человека в самом деле неразумна и что она может быть исправлена только верою в другую, загробную жизнь, которая приобретается исполнением внешних обрядов. Это учение фарисеев или духовенства.

Другие из этих ложных учителей, наоборот, не признают никакой другой жизни, *кроме земной*. Они не верят ни в какие чудеса и смело говорят, что вся жизнь человека в его плотском существовании от рождения и до смерти. Это учение книжников или теперешних ученых. Они учат, что нет ничего неразумного в том, что человек живет так, как живут все животные — *для своего личного блага и борясь с другими за свое существование*.

Оба эти учения всегда враждовали и враждуют друг с другом. Духовенство и ученые наполняют мир своими спорами, и этими самыми спорами заслоняют от людей те объяснения жизни, которые были найдены мудрецами человечества и которые указывают путь к истинному благу людей.

Духовенство не понимает учений о жизни тех древних учителей, память которых почитается в той земле, где оно живет. Вместо этих *истинных* учений о жизни оно учит своим лжетолкованиям о будущей жизни и *тем скрывает* от людей объяснения жизни, которые дали истинные просветители человечества. *Под конец духовенство так привыкает к тому суеверному перетолкованию, которое оно сделало из слов и жизни учителя, что ему кажется, что вся сила учения не в смысле, который давая жизни учитель, а в тех суеверных толкованиях и обрядах, которые оно придумало*. А так как толкования и обряды в каждой стране придуманы особенные свои, то духовенство уж не может видеть того единства, того объяснения смысла жизни всех истинных просветителей человечества. *Бывает и то, что духовенство, понимая даже истинный смысл учения, скрывает единство учения мудрецов мира для того, чтобы удержать доверие людей к своим давнишним неразумным и ложным, особенным лжетолкованиям и обрядам*.

Ученые же книжники, *глядя на суеверные обряды фарисеев, не изучают тех учений мудрецов, на которых основались лжеучения фарисеев, а предполагая, что учение мудрецов и есть то самое, чему учат фарисеи, прямо не знают этих учений*, считают глупыми всякие учения жизни и смело говорят, что учения великих мудрецов совсем неразумны и произошли только от грубого невежества. Книжники думают, что все улучшение людей состоит в том, чтобы заниматься только плотской жизнью, и что ни о какой другой, **духовной жизни** и думать *не нужно*. [**Духовную жизнь**: а) фарисеи (церковники и мечетьники) извратили, б) книжники (учёные) отрицают. ;(]

ГЛАВА 3

ЗАБЛУЖДЕНИЕ УЧЕНЫХ КНИЖНИКОВ

И случилось удивительное дело. Учения всех великих мудрецов удивляли людей своей правдой. Хотя люди непонятливые и суеверные не могли вполне уразуметь этих учений, но величие учений и добродетельная жизнь самих мудрецов поражали их. Люди непонятливые и суеверные всегда готовы сочинять баснословные сказания обо всем том, что их поражает, но чего они не могут вполне понять, и потому они решили, что простые смертные не могли так мудро учить, и стали считать этих мудрецов полубогами и сочинять о их жизни всякие чудеса. *Правда, что признание людей, хотя бы и очень мудрых, богами и приписыванье им чудесной силы есть заблуждение. Но дело в том, что возвеличивают так людей только таких, которые точно были великими мудрецами и благодетелями людей.*

Ученые книжники этого не понимают и думают, что не от того, что велики учителя были, велики о них сложились чудесные сказания, а что просто без всякой причины люди взяли и выдумали басни о тех и других людях. И что, если выдуманы о каких людях басни, то эти люди или обманщики, или сами суеверные люди. *Л не понимают того, что такие великие мудрецы, как Брамины, Будда, Зороастр, Лао-Дзы, Конфуций, Исайя, Христос — только оттого и считаются полубогами и творцами разных чудес, что [их] учения были так важны, что переворачивали жизнь миллионов людей.*

Заблуждение нынешних ученых людей виднее всего на том, как они смотрят на истинных учителей жизни, по которым человечество жило и образовывалось и продолжает жить и образовываться. В календарях своих образованные люди пишут, что существует 1000 вер, которые будто исповедуются всеми жителями земли. В число этих вер они включают и учения Будды, Браминов, Конфуция, Лао-Дзы и Христа. И образованные люди взаправду думают, что вер — 1000, что они друг другу противоречат, что все они — вздор, и что изучать их не стоит. Эти люди стыдятся, когда они не успели прочесть самых новых умствований своих любимых ученых; но не стыдятся того, что не знают *ничего* о Браминах, Будде, Конфуции, Менции, Лао-Дзы, Эпиктете, Исайи, — не знают даже и имени этих великих мудрецов человечества. Им и в голову не приходит, что люди в настоящее время исповедуют не тысячи вер, а только три: Китайскую, Индийскую и еврейско-христианскую (с своим отростком магометанства); что книги этих вер можно купить за 5 рублей и прочесть в две недели: и что в этих книгах, по которым жило и теперь без малого живет все человечество, заключена вся высшая мудрость людская, — все то, что сделало людей такими, какие они теперь. И в эти-то книги, — самые важные из всех книг, образованные и даже ученые книжники не хотят и заглядывать. Они думают, что не стоит знать *того*, что думали и делали те великие мудрецы, которые раскрыли людям истинное благо жизни. Книжники сами не понимают той несообразности жизни для одного себя, которая заставляет людей искать иную, разумную жизнь. Книжники смело говорят, что, так как они сами не видят этой несообразности, то ее и нет вовсе, и что у человека нет никакой другой жизни, кроме плотской.

Зрячие понимают и объясняют то, что видят перед собой; слепой тыкает перед собой палкой и говорит, что и нет ничего, кроме того, что он ошупывает своей палкой.

ГЛАВА 4

КНИЖНИКИ ПРИЗНАЮТ ТОЛЬКО ПЛОТСКОЕ СУЩЕСТВОВАНИЕ ЧЕЛОВЕКА; ОНИ ДУМАЮТ, ЧТО ВСЯ ЖИЗНЬ ЧЕЛОВЕКА ТОЛЬКО И СОСТОИТ, ЧТО В ЖИЗНИ ЕГО ТЕЛА

Люди, не понимающие смысла истинной жизни человека, думают о жизни так:

«Жизнь — это то, что делается в живом существе от рождения и до смерти. Родится человек, или собака, или лошадь, — у каждого свое особенное тело, и вот живет — живет это его тело, а потом умирает; тело гниет, идет в другие *существа*, а того прежнего существа уже нет. Была жизнь и кончилась жизнь; бьется сердце, дышат легкие, тело не гниет, значит жив человек, или собака, или лошадь; перестало биться сердце, кончилось дыхание, стало гнить тело — значит умер, и нет жизни. Жизнь и есть то, что происходит в теле человека или животного, от рождения его до смерти».

И вот *теперь* учение книжников, называющее себя наукой, признает это ложное понятие о жизни за единое истинное. Книжники пользуются наукой для того, чтобы повернуть людей назад в тот мрак, из которого они выбиваются тысячи лет с *тяжелым* трудом.

Книжники заблуждаются потому, что они ищут объяснения жизни не в том, где его только и можно найти.

Мы знаем, что *жизнь наша* в том, что мы желаем себе блага. [воля к благу] В этом желании себе блага — и основа и признак всякой жизни; и потому в этом желании себе блага и следует искать смысла жизни. Если я признаю лошадь, собаку или клеща, сидящего на ней, за живые существа, то это только потому, что я вижу в лошади, собаке, клеще то самое желание себе блага, какое я знаю в себе. И только тогда пойму, в чем благо и жизнь других существ, когда сперва пойму, в чем мое благо и моя жизнь. Для того чтобы понять всякую жизнь, я должен сначала понять свою жизнь, а для этого я должен *понять* самого себя, — свою душу.

Но книжники говорят, что мы заблуждаемся, *когда мы хотим* понять нашу собственную жизнь. Они говорят, что такого блага, к которому мы стремимся, вовсе и нет на самом деле, и что жизнь не заключается в желании себе блага. Книжники говорят, что мы поймем жизнь тогда только, когда будем понимать тело человека, животных и всяких других существ. Они не соображают того, что жизнь тела есть только часть человеческой жизни, а не вся его жизнь. Ведь, кроме жизни тела, человек сознает в себе и жизнь духовную; и потому по жизни тела никак нельзя судить о всей жизни человека. Духовную жизнь нельзя наблюдать и изучать, как можно наблюдать тело и вещество. Жизнь духа человек знает в самом себе; и когда человек знает в себе жизнь духа, то он считает ее за главное в своей жизни. Тогда видимое плотское свое существование он считает только за часть всей своей жизни, и притом — за самую неважную часть. Книжники же, вместо

всей жизни человека, берут только видимую ее часть — плотское существование и начинают *только одну ее* изучать. Изучение это так сложно, так многообразно, так запутано, так много времени и усилия тратится на него, что книжники совсем отучаются думать о духовной жизни человека.

Не веря в духовную сторону человеческой жизни, книжники приравнивали человеческую жизнь к жизни животных, и думают, что и человек живет только для того, чтобы сохранять себя, плодиться и бороться за свое существование, как делают это и все животные.

До такого безобразного понимания жизни довела книжников их ложная наука. Но заблуждение их ясно всякому человеку, лишь только в нем зарождается разумное понимание жизни.

ГЛАВА 5

ЛЮДИ, КОТОРЫЕ НЕ НАХОДЯТ СМЫСЛА ЖИЗНИ НИ У СЕБЯ, НИ У ФАРИСЕЕВ, НИ У КНИЖНИКОВ, ЖИВУТ СОГЛАСНО СУЩЕСТВУЮЩИМ ОБЫЧАЯМ, ХОТЯ И НЕ ВИДЯТ В НИХ НИКАКОГО РАЗУМНОГО СМЫСЛА

Заблуждающиеся люди находят себе помощь в ложных учениях и говорят: «Нечего объяснять жизнь: всякий ее знает, вот и все, и давайте жить». Они не знают, что такое жизнь и ее благо; но им кажется, что и они живут истинною жизнью. Это все равно, как если бы волны носили человека по морю, а ему бы казалось, что это он сам плывет туда, куда ему надобно и хочется.

Родится ребенок в нужде или в достатке, и его обучают фарисеи или книжники. Пока он ребенок или юноша, он не понимает еще несообразности жизни только для себя; и потому ему не нужны еще толкования ни фарисеев, ни книжников. Он учится и руководится пока одним только примером людей, живущих вокруг него. А пример этот и фарисеев и книжников одинаков: все они живут только для блага себя самих и этому же поучают и ребенка.

Если родители ребенка или юноши живут в нужде, то он научается от них тому, чтобы приобретать побольше хлеба и денег и как можно меньше работать, для того, *чтобы ему одному* было как можно лучше. Если он родился в достатке, то он научается тому, чтобы жить в богатстве и почестях для того, чтобы как можно приятнее и веселее проводить время.

Бедный употребляет все свои знания только на то, чтобы увеличить достаток свой, а богатый употребляет все свои знания только на то, чтобы ему не было скучно, а было бы весело. Чем дальше живет юноша, и бедный и богатый, тем сильнее и сильнее впитывает он в себя мирское учение. Он женится, заводится семьей; а семья заставляет его хлопотать еще больше о своем достатке. Таким

образом у него усиливается борьба с другими, и он все больше и больше привыкает жить только для своего собственного блага. [Чем мы заняты: а) РАбота, б) развлекауха. Вот и вся жизнь.]

Бывает так, что бедный или богатый человек задумается о том, разумно ли он живет, и он спросит себя: зачем эта погоня за большим достатком и большими удовольствиями, о которых так хлопочу я и будут хлопотать мои дети? Зачем все эти заботы, когда я вперед знаю, что они непременно кончатся только страданиями и смертью для меня и для моих детей? Если человек задумается об этом и захочет узнать правду, то редкому удастся узнать те объяснения жизни, которые еще тысячи лет тому назад великие мудрецы нашли для человечества, — так плотно заслоняются [ложь ;(] от людей эти объяснения учениями книжников и фарисеев.

Фарисеи на вопрос о том: зачем эта бедственная жизнь? — отвечают: «Жизнь всегда была бедственной и должна быть такою; ты напрасно ищешь блага в теперешней нашей земной жизни, благо было прежде, но теперь потеряно людьми; оно будет опять, но не в этой жизни, а в будущей, загробной. Прошедшего блага вернуть нельзя, а для того чтобы получить благо в загробной жизни, тебе нужно исполнять обряды, которые мы предписываем».

Но тот человек, у которого зародились сомнения, видит очень ясно, что все люди все-таки ищут своего блага, и что сами фарисеи ищут того же здесь, в этой жизни; и потому он чувствует неправду их слов, не верит им и обращается к книжникам.

Книжники говорят ему: «Все учения о другой какой-то жизни, а не о той, какую мы видим во плоти, происходят от необразованности. Все твои сомнения — одни только праздные мечтания. Жизнь миров, земли, человека, животного, растения имеет свой порядок, свои законы; и вот эти-то законы мы и изучаем. Мы изучаем и то, что ожидает миры в будущем, как остынет солнце, и что было и будет с человеком и со всяким животным и растением. Мы можем показать и доказать, что все так было и будет, как мы говорим. Но о твоей духовной жизни и о твоём искании блага мы ничего тебе сказать не можем. То, что мы можем сказать тебе, это ты и без нас знаешь, а именно: живешь, так и живи, как получше».

И оказывается, что человек, *если* задумается о своей жизни, не *получит* на свои сомнения никакого разумного ответа ни от фарисеев, ни от книжников, и *останется* по-прежнему без всякого другого руководства в жизни, кроме одного желания блага себе самому.

Одни из задумывающихся людей говорят себе: «А что, как правда все то, чем пугают фарисеи за неисполнение их предписаний?» И эти люди, из страха наказания в будущей жизни исполняют в свободное время все предписания фарисеев, рассчитывая, что во всяком случае потери от этого не будет, а выгода может быть большая в том случае, если фарисеи говорят правду. Другие соглашаются с книжниками. *Эти* прямо не верят ни в какую другую жизнь, ни в какие обряды и говорят себе: «Не я один, а все так жили и живут; что будет, то будет». Так и не получают эти люди никакой помощи в своей жизни ни от фарисеев, ни от книжников.

А жить надо.

Жизнь всякого человека состоит из ряда поступков от вставания до постели. Каждый день с утра и до вечера человек должен **выбирать** [Для этого-то нам и нужно знать **Истину!**], какие поступки он совершит из всех поступков, которые он может совершить. Фарисейское учение духовенства как будто объясняет тайны

небесной жизни; ученые книжники занимаются изысканиями того, как произошли человек и весь мир и что с ними будет. Но ни то, ни другое учение не дает никакого руководства для поступков человека. А без руководства в выборе своих поступков человек не может и жить. И вот тут-то человек, волей-неволей, махает рукой на всякие рассуждения и начинает делать то, что делают люди вокруг него. [т.е. подчиняется цивилизации ;(]

Во всяком обществе людей каждый отдельный человек большею частью живет именно так, как живут люди кругом него. Жить так, «как люди живут», делать то, что «люди делают», не имеет никакой разумной причины; но тем не менее так всегда поступали и поступают теперь многие миллионы людей: они просто и по *привычке* подражают тому, что делают другие вокруг них; и чем меньше человек понимает смысл своей жизни, тем сильнее властвует над ним эта привычка подражать людям. [Чем больше ты похож на других, тем меньше ты понимаешь смысл жизни.]

По этой привычке китаец ставит свечи на дощечке в память своих родителей, магометанин ходит на богомолье к гробу своего Пророка, индеец произносит тысячи раз подряд одно какое-нибудь молитвенное слово, военный защищает свое знамя с опасностью для своей жизни, дворянин убивает своего собрата на поединке, кавказский горец мстит за обиженного родственника, православный в одни дни ест такие-то кушанья, в другие — другие. По этой привычке человек убирает свое жилище, как все; празднует похороны, родины, свадьбы, как все; *родители обучают своих детей, как все; словом думают, говорят и поступают все, как все.* И жить, как все, такие люди называют приличием, обычаем, обязанностью, даже — священной обязанностью.

Есть даже глупые пословицы, которые повторяют, потому что все их повторяют, и которые прямо говорят, что следует подражать обычаю: «Обычай — не клетка, — не переставишь». «Не нами установилось, не нами и переставится». «Что в людях ведется, то и у нас не минется» и *другие такие же.* [Ха, я тоже не признаю' каждую пословицу за мудрость!]

И вот этому-то обычаю и подчиняется большинство людей. С самого своего детства человек видит, что все люди вокруг него делают то, что по обычаю принято делать, и — делают это самоуверенно, важно, словно это самое главное дело. Когда человек не знает, что ему надо делать по-настоящему, то он всегда будет делать то, что делают другие, и — будет при этом уверять себя, что это очень разумно [самообман ;(]. Если он сам не понимает, зачем нужно делать то, что делают все, то он утешает себя тем, что другие люди знают это. Но на самом деле никто этого не знает, — те, другие, сами не понимают смысла этих дел и совершают их тоже только из подражания и боязни насмешки и укоров. Мы думаем, что другие требуют от нас, чтобы мы совершали эти дела; а другие думают, что мы требуем от них того же самого. И так люди невольно обманывают друг друга и все больше и больше привыкают делать дела, смысла которых они не понимают. Люди привыкают даже думать, что в таких поступках есть какой-то таинственный смысл, непонятный для них самих. И выходит, что чем меньше люди понимают смысл этих дел, тем их считают важнее, — чем менее в них разумности, тем торжественнее они их совершают. И богатый и бедный делают то, что делают все, и они говорят себе, что они должны так поступать, — что в этом их святая обязанность. Они усыпляют свой разум тем соображением, что дела эти непременно должны быть хорошими, потому что очень много людей давным-давно их совершают и уважают. И до глубокой старости доживают люди, думая, что если они сами не знают, зачем они живут, то это знают другие. Но эти другие так же мало, как и они, знают, зачем они живут.

Так поколение за поколением вырастают, глядя на эту бессмысленную сутолку [Вся наша жизнь — бессмысленнейшая ерунда!] и думая, что это и есть настоящая жизнь. Они видят, что старые, седые, почтенные и всеми уважаемые люди участвуют в этой толкотне; и молодые люди уверяются, что, кроме этой безумной сутолки, другой жизни никакой нет; они сами начинают делать то же самое: они принимают участие в этой толкотне и, когда приходит смерть, уходят, не выдавши истинной жизни.

Это все равно, как если бы человек не знал, что такое собрание, и захотел бы пойти на собрание. Он подходит к дому, внутри которого происходит собрание; но у дверей он видит, как теснится и шумит толпа людей; он решает, что это и есть самое собрание, и, потолкавшись у дверей среди этой толпы, уходит домой с помятыми боками и совсем уверенный, что он был на собрании. А между тем, собрание происходило в самом доме, и человек этот даже и не попал туда.

Так бывает и с жизнью. Устраивают люди железные дороги и телеграфы и телефоны, измеряют солнце и звезды, выдумывают пушки и ружья, цари пишут письма друг другу и указы, устраивают училища, гимназии, университеты, ученые общества, торгуют, возят товары с места на место и говорят себе: «Это ли не жизнь?»

Но истинной жизни во всем этом нет: она остается в стороне. И все эти громкие дела по большей части не что иное, как давка обезумевшей толпы у дверей жизни.

ГЛАВА 6

ВНУТРЕННЕЕ РАЗДВОЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА, ЖИВУЩЕГО МИРСКОЮ ЖИЗНЬЮ

«Но истинно, истинно говорю вам: наступает время и настало уже, когда мертвые услышат глас Сына Божья и, услышав, оживут». И время это приходит.

Одни люди говорят, что благая и разумная жизнь бывает только за гробом, в раю, а не здесь, на земле. Другие говорят наоборот, что благая и разумная жизнь бывает только тогда, когда человек живет для самого себя. Но человек, который ищет истины, не может верить ни тем, ни другим людям. В глубине души своей он чувствует, что жизнь его должна быть благом, — должна иметь разумный смысл. Отказываться же от блага в этой жизни в надежде получить блага в будущей, или же в этой жизни жить только для своего собственного, отдельного блага, которое получить невозможно, — такая жизнь есть зло и бессмыслица.

Человек размышляет так: «Мне говорят: живи для будущей жизни в раю; но если теперешняя моя земная жизнь — та жизнь, которую одну я знаю — бессмысленна, то почему же мне думать, что там, дальше, за гробом *жизнь* будет не бессмысленна? Напротив того, вернее думать, что если бессмысленна *та* единственная жизнь, которую я знаю, то и всякая жизнь сама по себе бессмысленна, и что никакой другой, кроме бессмысленной жизни, и быть не может».

«Другие говорят: живи в свое удовольствие для самого себя. Но ведь я уже знаю, что такая моя жизнь не может дать счастья».

«Что же мне делать? Жить для своей семьи? Для своей общины? Жить для своего отечества, или хотя бы для всего человечества? Но если моя собственная жизнь бедственна и бессмысленна, то так же бессмысленна и жизнь всякого другого человека, — и всякого собрания людей; а потому бессмысленна и жизнь семьи, отечества, человечества».

«Жить *так*, как другие? Да ведь я знаю, что другие, так же, как и я, сами не знают, зачем они живут».

Приходит время, когда ложные учения перестают удовлетворять человека, и он останавливается посреди жизни и требует объяснения.

Все яснее и яснее слышится человеку голос разума, человек чаще и чаще прислушивается к этому голосу; и приходит время и пришло уже, когда этот голос разума стал слышнее, чем другой голос — голос плоти, призывающий к жизни для самого себя и к слепому исполнению людских предписаний. Человек все яснее и яснее видит, что жизнь для самого себя есть пустая приманка, которая не может дать блага. Он также видит, что исполнение людских предписаний есть только обман, лишаящий его возможности слушаться того разумного и благого начала, от которого он исшел. Человек уже более не может верить в то, чего он не понимает. Обман, который требовал такой слепой веры, уже износился, и нельзя возвращаться к нему.

Прежде говорили: «Не рассуждай, а верь тому, что мы предписываем. Разум обманет тебя. Одна только *наша* вера откроет тебе истинное благо жизни». И человек старался верить и верил. Но когда он узнал людей, которые верят в совершенно *другую веру* и говорят, что эта другая вера *только одна настоящая*, то ему пришлось решить, какая из вер вернее; а решить это он может только разумом.

Человек и всегда познает все через разум, а не через веру. Когда человек знает одно только свое вероисповедание, то он еще может думать, что он познает через веру, а не через разум. Но как только человек знает две веры, и видит людей, исповедующих *иную* веру так же, как он свою, то ему неминуемо приходится решить дело своим разумом. Последователь буддийской веры, если он познает магометанскую веру и притом останется буддистом, поступит так же не по вере, а по разуму. Как только ему захочется узнать, чья вера правее, его ли старая вера, или — новая, которую ему предлагают, то он будет узнавать это непременно разумом. И если он, узнав магометанскую веру, остался буддистом, то прежняя слепая вера в Будду уже основана у него на соображениях его разума.

Стараться влить в человека духовную пищу Через веру помимо разума — это все равно, что стараться питать человека не через рот.

Люди различных вероисповеданий теперь уже настолько узнали друг друга, что увидели общую им всем разумную основу познания; и они не могут уже вернуться к прежним заблуждениям; и наступает время и настало уже, когда мертвые услышат глас Сына Божья и, услышав, оживут.

Заглушить этот голос нельзя, потому что голос этот не чей-нибудь один голос, а голос всего разума человеческого.

Только такой человек, который не знает людей, иначе думающих, чем он, или который настолько поглощен приобретением себе насущного хлеба, что не имеет времени думать ни о чем другом, — только такой человек может еще верить в то, что *его спасут* те дела и обряды его веры, которые ему предписывают *жрецы этой веры*.

Обманы ложных учений становятся теперь ясными для большинства людей, и только *люди*, забитые нуждой или *отупевшие* от похотливой жизни, могут еще не видеть этого обмана.

Чаще и чаще просыпаются люди к разумению истинной жизни [Пробуждение!], как бы оживают в гробах своих. И несмотря на то, что люди всеми силами стараются скрыть от себя несообразность мирской жизни, она *режет им глаза*.

«Вся жизнь моя есть желание себе блага», — говорит себе пробудившийся человек, — «разум же мой говорит мне, что блага этого для меня быть не может. Что бы я ни делал, чего бы ни достигал, все кончится одним и тем же: страданиями и смертью, уничтожением. Я хочу блага, я хочу жизни, я хочу разумного смысла; а вместо того во мне и кругом меня я вижу: зло, смерть, бессмыслицу. Как быть? Как жить? Что делать?» — *спрашивает себя человек*, и ответа нет.

Человек оглядывается вокруг себя и ищет ответа на свой вопрос и не находит его. Он найдет вокруг себя учения, которые ответят ему на то, чего он вовсе не спрашивает; но ответа на то, что он спрашивает, он не найдет в окружающем мире. Есть только одна суета людей, делающих, сами не зная зачем, дела, которые другие делают, также сами не зная зачем.

Все живут, как будто они не сознают бедственности своего положения и бессмысленности своих дел. «Или *они* безумны, или *я*», — говорит себе проснувшийся человек [Я тоже! (см. мысль *Дневника* за 5.09.2005)]. «Но все не могут быть безумны: стало-быть, безумен-то я. Но нет, — тот голос разума, который я в себе слышу, не может быть безумен», — *говорит себе проснувшийся человек*. «Пусть он будет один против всего мира, но я не могу не верить ему».

И человек *страдает от этого противоречия*.

Ему кажется, что разум его есть причина этого раздвоения и страдания.

Оказывается, что жизнь человека отравляется, и чем же? Его разумом, — тою высшею способностью человека, которая необходима для его жизни и которая дает ему, нагому, беспомощному человеку, возможность пользоваться *одними* силами природы и бороться против других, — дает ему возможность существовать и наслаждаться. Что за удивительное дело! Во всем окружающем мире все живые существа имеют то, что нужно им для их блага. Растения, насекомые, животные подчиняются своему закону и живут блаженной, радостной и спокойной жизнью [В Биосфере всё спокойно!]. И вдруг в человеке высшее свойство его природы — разум его — производит в нем такое мучительное состояние, что часто — все чаще и чаще в последнее время — человек убивает себя, только бы избавиться от того невыносимого внутреннего раздвоения, которое в нем происходит от пробуждения его разума.

ГЛАВА 7

ВНУТРЕННЕЕ РАЗДВОЕНИЕ В ЧЕЛОВЕКЕ ПРОИСХОДИТ ОТ ТОГО, ЧТО ОН СМЕШИВАЕТ СВОЮ

ЖИВОТНУЮ, ПЛОТСКУЮ ЖИЗНЬ С СВОЕЙ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ, ДУХОВНОЮ

Когда в человеке пробуждается разумение истинной жизни, то ему кажется, что оно разрывает и останавливает его жизнь. Но ему так кажется только потому, что он раньше считал за жизнь то, что не было, не есть и не могло быть его жизнью.

Человеку кажется, что он жил настоящей жизнью и когда был младенцем, ребенком, и когда был юношей и возмужалым человеком. Он жил, как ему кажется, очень давно и все время не переставая жил, и вот вдруг дожил до того времени, когда ему стало несомненно ясно, что жить так, как он жил прежде, нельзя, и что жизнь его останавливается и разрывается.

Ему казалось, что жизнь его есть то, что происходит с ним в промежутке времени от рождения до смерти. Он, глядя на видимую жизнь животных, смешал свою истинную жизнь с жизнью животной и совершенно уверился в том, что эта видимая плотская жизнь и есть его настоящая жизнь.

Но вот пробудилось в нем истинное разумение и потребовало от него то, чего плотская жизнь не может вместить [Разум требует, чтобы жизнь имела **смысл**, но в теле **нет смысла!**]. Разумение указывает ему, что он неверно понимал свою жизнь, но ложное, языческое учение мешает ему увидеть свою ошибку: он не может отказаться от той мысли, что его плотское существование и есть сама жизнь, и ему кажется, что жизнь его остановилась с самого того времени, как он захотел разумной жизни. Но то, что остановилось и что он называл своей жизнью, *не было его настоящей жизнью*. Он называл своею жизнью свое плотское существование от рождения: но это никогда и не было его жизнью. На самом деле понятие о прожитой жизни явилось у человека только при пробуждении его разума. До пробуждения его разума у него не было никакой истинной жизни.

Во время своего ребячества человек жил, как животное и ничего не знал о жизни. Если бы человек прожил 10 месяцев, он бы ничего не знал ни о своей, ни о какой бы то ни было жизни: он так же мало знал бы о жизни, как и тогда, когда бы он умер в утробе матери. И не только младенец, но и неразумный взрослый или совершенно слабоумный человек не могут знать про то, что они живут и живут другие существа. И потому они не имеют истинной человеческой жизни.

Истинная жизнь человеческая начинается с того времени, как проявляется разумение жизни. Разумение жизни открывает человеку и его прошлую и настоящую жизнь, и жизнь других людей.

Человек думает, что он знает и может обозначить время, в течение которого происходит его жизнь, как он обозначает время жизни всяких животных. И вдруг в человеке пробуждается разумение истинной жизни, появляется духовная жизнь, которая не совпадает со временем плотского рождения человека и которую нельзя обозначить временем. И человек не хочет верить тому, что такая жизнь, *для которой нет* времени, может действительно быть жизнью. Но сколько бы человек ни старался *найти* то время, с которого началась его духовная жизнь, он никогда не *найдет* его.

Когда он станет вспоминать свою прошлую жизнь, он не найдет этого начала своей духовной жизни. Ему кажется, что истинное разумение жизни всегда было в нем. Если же он в своей прошлой жизни видит нечто похожее на начало этого разумения, то начало это он видит уже никак не в своем плотском рождении. Он ясно понимает, что происхождение его разума совсем иное, чем его плотское

рождение. Когда человек думает о начале своей разумной жизни, то он никогда не думает, что оно родилось от его отца, матери, дедов и бабок, живших в такое-то время. Думая о своей духовной жизни, человек чувствует себя как бы слитым в одно с духовною жизнью других людей, живших иногда за тысячи лет и на другом конце света. Человек не может увидеть, откуда произошла в нем его духовная жизнь. Он чувствует, что жизнь эту нельзя приурочить ни к какому времени и ни к какому месту, но что она сливается с другими духовными жизнями так, что они входят в нее и она — в них.

И вот эта духовная жизнь, — жизнь разума, — которая пробудилась в человеке, как будто останавливает то, что люди, *не пробудившиеся к истинной жизни, называют жизнью*, но что на самом деле есть не жизнь, а только *приготовление к жизни*. Людям, *не проснувшимся к жизни истинной*, кажется, что жизнь их останавливается как раз тогда, когда она пробуждается.

ГЛАВА 8

НА САМОМ ДЕЛЕ РАЗДВОЕНИЯ И НЕСООБРАЗНОСТИ НЕТ В ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ЖИЗНИ, ОНИ ЯВЛЯЮТСЯ ТОЛЬКО ПРИ ЛОЖНОМ УЧЕНИИ

То мучительное состояние внутреннего раздвоения, в которое вступают люди при пробуждении в них разумения истинной жизни, происходит только от того ложного, *языческого, дохристианского* учения, в котором человек воспитывается и поддерживается, и по которому признается, что человеческая жизнь есть его плотское существование от рождения до смерти. [Обман! ;(]

Человеку, который находится в этом заблуждении, кажется, что жизнь раздваивается в нем.

Человек знает, что жизнь его одна, а чувствует их две. С таким человеком происходит нечто подобное тому, что бывает, когда перекутишь два пальца и между ними катаешь шарик: шарик один, а чувствуешь их два.

Человек был научен считать за настоящую жизнь одно свое плотское существование. Но когда разум его пробудился, он взглянул на жизнь и увидел две жизни, — ту, которую он *прежде считал жизнью* и — ту, которая действительно есть.

Такому человеку непременно покажется, что его разум болен и извращен, раз этот разум не признает блага в плотском существовании и **ищет другого блага**.

Но разумный человек неминуемо убеждается в невозможности блага в жизни для одного себя. [Эгоизм, дарвинизм, гонка за материальными товарами и услугами — всё это свидетельство не пробудившегося **разума!** Нет разума — поэтому эгоист!] Человек непременно придет к этой мысли точно так же, как птица непременно доживает до того времени, когда полетит на крыльях вместо того, чтобы бегать ногами. Если же бышаеет и так, что оперившийся птенец бегаеет ногами, то это не значит, чтобы ему нельзя было летать. — Точно так же, если мы

видим людей, у которых разумение еще не пробудилось, и которые полагают свое благо в жизни для самого себя, то это не значит, чтобы человеку нельзя было жить разумною жизнью. Пробуждение человека к истинной жизни бывает так мучительно только потому, что *языческое* учение мира уверяет людей, будто *плотская жизнь* и есть сама жизнь, а появление истинной жизни, напротив того, есть прекращение жизни.

С людьми в нашем мире, которые вступают в истинную жизнь, случается нечто подобное тому, что бывает с девушкой, от которой скрыли, что она должна быть матерью. Она чувствует свою телесную зрелость, но не знает еще, что это новое для нее состояние нужно ей для того, чтобы она была способна родить ребенка и исполнять радостные обязанности матери; и потому она считает свое состояние за болезнь и неправильность и приходит в отчаяние.

Подобное же отчаяние чувствуют люди нашего мира при пробуждении к истинной жизни.

Положение человека, в котором проснулась разумная жизнь, но который все еще считает свою плотскую жизнь за истинную жизнь, — можно сравнить еще вот с чем:

Человеческая жизнь есть жизнь более высокая, чем жизнь животных, потому что у человека есть такой разум, какого нет у животных. Жизнь же животных выше жизни растений, потому что животные чувствуют и соображают, *чего не могут растения*. Теперь положим, что какое-нибудь животное не захотело бы жить своей животной жизнью, а решило бы, что оно должно жить низшей жизнью, — такую же точно жизнью, как растения, т.е. что оно ничего не должно делать по своей собственной воле и соображению, а должно только лежать на одном месте и жить той жизнью, которая сама собою в нем будет действовать подобно тому, как действует жизнь в растениях. Такое животное чувствовало бы в себе мучительное внутреннее раздвоение. «Жизнь моя, — думало бы оно, — состоит в том, чтобы жить как растения, т.е. не двигаясь, лежать на одном месте и дышать, — так, чтобы жизнь моего тела действовала *сама собою* без моего участия. А вот мне хочется двигаться, питаться, искать самца или самку». И такое животное страдало бы от этого раздвоения. Для того, чтобы его страдания прекратились, такому животному *нужно перестать жить жизнью растения, а начать жить тою жизнью, которая ему свойственна, как животному*.

То же делается и с человеком, если он хочет жить низшею, плотскою жизнью, какую живут все животные, вместо того, чтобы жить *разумною* жизнью, *свойственной человеку*. Жизнь разумная требует от человека не того, что требует его плотская жизнь. И потому, если человек понял то, *чего* требует от него высшая жизнь, но продолжает жить только плотскою жизнью, то он непременно почувствует мучительное внутреннее раздвоение. Но как животному для того, чтобы перестать страдать, нужно жить *свойственной животному* жизнью, а не жизнью растений, так точно и человеку для того, чтобы уничтожить в себе внутреннее раздвоение, нужно жить своею *настоящею* — разумною жизнью, а не жизнью животного; и тогда плотская жизнь человека станет под начало его *разумной* жизни и будет служить ей.

ГЛАВА 9

РОЖДЕНИЕ ИСТИННОЙ ЖИЗНИ В ЧЕЛОВЕКЕ

Истинная жизнь всегда хранится в человеке, как хранится жизнь в зерне, и наступает время, когда жизнь эта делается видна. *Истинная жизнь* в человеке *начинается с того*, что плотская природа тянет человека к мирским, плотским удовольствиям, духовное же разумение показывает ему невозможность блага в такой жизни и указывает на какое-то другое благо. Человек вглядывается в это другое благо, которое еще далеко от него; но он сначала не в силах *ясно разглядеть* его, не верит в это благо и возвращается назад к плотскому благу. Но хотя разум еще и неясно указывает человеку свое новое благо, *он* зато *уже вполне* ясно показывает ему невозможность плотского блага, и человек опять отказывается от этого плотского блага и опять вглядывается в то новое благо, которое раскрывается перед ним. Разумное благо ему еще не видно ясно, но плотское благо сделалось невозможным; человеку уже нельзя продолжать наслаждаться плотскою жизнью, и он начинает по-новому понимать плотскую и духовную жизнь свою. Человек начинает рождаться к истинной человеческой жизни.

Происходит то, что происходит в природе при всяком рождении. Плод рождается не потому, что он хочет родиться, не потому, что ему лучше родиться, или что он знает, что хорошо родиться; плод рождается потому, что он созрел, и ему нельзя уже жить в прежнем виде; он должен начать новую жизнь не потому, что новая жизнь как бы зовет его, а потому, что прекратилась возможность жить по-прежнему. [Вот причина пробуждения!]

Духовная жизнь незаметно вырастает в человеке и дорастает до того, что жить ради удовольствия плоти делается для человека невозможным.

Происходит совершенно то же, что происходит при зарождении всего: то же уничтожение зерна и проявление нового ростка; та же кажущаяся борьба *между зерном и ростком* и то же питание ростка на счет разлагающегося зерна. Разница для нас рождения духовной жизни от видимого нами плотского зарождения состоит в том, что при плотском рождении мы видим, когда и где, из чего, как и что рождается из зародыша; знаем, что зерно есть плод, что из посеянного зерна выйдет растение, что на нем будет цвет, а потом — плод такой же, как зерно, — одним словом, на глазах наших совершается весь круговорот жизни растения. Между тем, как роста духовной жизни человека мы не видим во времени, не видим круговорота ее, потому что мы сами совершаем его: наша жизнь есть ничто иное, как рождение того невидимого нам существа, которое рождается в нас и потому-то, *хотя* мы и *знаем*, но никак не можем видеть его.

Мы не можем видеть рождения этого нового существа, этого возрастания духовной жизни над плотской так же, как зерно не может видеть роста своего стебля. Когда мы начинаем замечать в себе духовную жизнь, нам кажется, что в нас происходит какая-то несообразность. Но несообразности нет никакой, как нет несообразности в прорастающем зерне. В прорастающем зерне мы видим только, что жизнь, бывшая прежде в оболочке зерна, теперь уже в ростке его. Точно так же и в человеке, в котором проснулась духовная жизнь, нет никакой несообразности, а есть только рождение нового существа, *выращивание разумной жизни из жизни плотской*.

Если человек живет, не всматриваясь в окружающую его жизнь, не зная, что наслаждения не удовлетворят его, что он умрет, то он не знает даже и того, что он живет, не понимает своей жизни, и тогда он не чувствует ни раздвоения, ни несообразности.

Если же человек увидал, что жизнь других людей такая же, как и его жизнь, что ему нельзя избегнуть страданий, что вся плотская жизнь его есть медленная

смерть; если разумение истинной жизни стало раскрывать *ему тщету* плотской жизни, он уже более не может класть свою жизнь в этот обман, а будет класть ее в ту новую жизнь, которая открывается ему.

ГЛАВА 10

РАЗУМ ОТКРЫВАЕТ ЧЕЛОВЕКУ ТОТ ЗАКОН, ПО КОТОРОМУ ДОЛЖНА СОВЕРШАТЬСЯ ЕГО ЖИЗНЬ

Истинная жизнь человека состоит в том, чтобы плотскую жизнь подчинять духовной. Эта истинная жизнь начинается только тогда, когда человек познает, что его плотская, животная жизнь не может дать ему блага. Познание же это начинается тогда, когда в человеке пробуждается разумение жизни.

Но что же такое это разумение жизни? Евангелие Иоанна начинается тем, что «слово», т.е. разумение, разум, мудрость — есть начало, и что в нем *все*, и от него *все*. Объяснить, что такое разум, нельзя, потому что разум-то и есть то самое, что объясняет все.

Разум нельзя объяснить, да нам и незачем объяснять его, потому что мы все не только знаем его, но только один разум и знаем. Когда мы находимся в общении друг с другом, то общаемся разумом. Мы знаем, что разум и есть та единственная основа, которая соединяет в одно всех нас живущих. Разум мы знаем вернее и прежде всего, так что все, что мы знаем в мире, мы знаем только через разум. Мы знаем и нам нельзя не знать разума. Нельзя, — потому что разум это тот закон, по которому должны неизбежно жить разумные существа — люди. Разум для человека это — тот закон, по которому совершается его жизнь, — такой же закон, как для животного тот закон, по которому оно питается и плодится, — как для растения тот закон, по которому растет, цветет трава, дерево, — как для *мертвых тел* тот закон, по которому движутся земля и светила. Этот закон разума, который мы признаем за закон нашей жизни, есть тот же закон, по которому совершается все то, что мы видим в мире вне себя. Разница только в том, что для нас в нашей жизни — это тот закон, который мы сами должны совершать [Разум — закон жизни, который мы сами должны совершать!]; в мире же, вне нас, все совершается по этому закону, только без нашего участия. Все, что мы видим в мире, вне себя, все что совершается в небесных светилах, в животных, в растениях, во всем мире, — есть подчинение *того, что существует*, закону разума. Во внешнем мире, везде, во всем мы видим это подчинение закону разума; в себе же мы знаем, что это тот закон который мы сами должны совершать.

Закон нашей человеческой жизни заключается в том, что наше животное тело подчиняется разуму, — другими словами, в подчинении нашей плоти нашему духу. И этот закон мы нигде не видим, не можем его видеть, потому что он не совершился еще, но совершается нами в нашей жизни. В исполнении этого закона, в подчинении нашей плоти нашему духу для достижения блага и состоит наша *истинная жизнь*. [Истинная жизнь!]

Когда же мы не понимаем этого и принимаем существование нашей плоти за всю нашу жизнь, тогда мы отказываемся от своей истинной жизни, потому что плоть наша подлежит своим законам, не зависящим от нас. Жизнь плотская совершается независимо от нас: мы не можем сделать на голове

своей ни одного волоса черным или белым. Жизнь нашей плоти, несмотря на то, что она связана с нашим разумением, происходит независимо от него, как и жизнь всякой плоти. Во власти нашей не то, чтобы сделать себя сильным или слабым, больным или здоровым, а то, чтобы и сильную и слабую, больную или здоровую плоть свою подчинить разуму, т.е. заставить исполнять то, что предписывает разум [Подчинить тело духу.]. Приписывая свойства истинной жизни нашей плоти, мы, как ленивые работники, отказываемся от заданной нам работы, на место истинной жизни подставляем то видимое существование нашей плотской жизни, которое совершается без нашего участия, и потому лишаем себя труда и награды, а потому и блага нашей истинной жизни.

ГЛАВА 11

ИСТИННАЯ ЖИЗНЬ ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ НЕ ЗАВИСИТ ОТ МЕСТА И ВРЕМЕНИ

Жизнь человека есть стремление к благу, и благо это достигается борьбой и победой духа над плотью.

Человек не знает и не может знать иной человеческой жизни, кроме разумной духовной жизни.

Животное мы признаем живым только тогда, когда, кроме вещества, из которого состоит его тело, в нем есть еще та сила жизни, которая управляет телом, заставляет его двигаться, питаться, плодиться. Если эта жизненная сила еще не начиналась или уже кончилась, то мы не признаем животное живым, но говорим, что перед нами *лежит бездушное вещество*.

Точно так же человека можно признавать живым истинной человеческой жизнью только тогда, когда животная жизнь в человеке подчиняется разуму. Это подчинение плотской жизни разуму и *есть истинная человеческая жизнь*.

Мы не признаем животной жизни там, где есть одно только бездушное вещество, — где вещество это не управляется той силой жизни, какая бывает у животных. Точно так же мы не признаем человеческой жизни ни в других, ни в себе, как скоро нет подчинения плотской жизни разуму, как скоро в человеке действует одна только сила плоти.

Как бы ни были быстры и сильны движения человека в бреду, в сумасшествии, в предсмертных судорогах, в пьянстве, в порыве страсти даже, — мы не признаем такого человека живым, не относимся к нему как к живому человеку. Мы признаем только, что человеческая жизнь может в нем проявиться в том случае, если он оправится от своего бреда, сумасшествия, опьянения. Но как бы слаб и неподвижен ни был человек, — если мы видим, что плотская жизнь его подчинена разуму, то в таком человеке мы признаем человеческую жизнь и так и относимся к нему.

Человеческая жизнь проявляется в плоти, но сущность ее зависит не от плоти, а от того, насколько плоть подчиняется разуму.

Чем больше плоть подчиняется разуму, тем больше блага достигается человеком. Если в человеке не увеличивается подчинение плоти разуму, то, значит, человеческая духовная жизнь его останавливается. Если же подчинение плоти разуму увеличивается в человеке, то, значит, жизнь такого человека возвышается и усиливается. Она все больше переходит из области плотской в

высшую область духовной жизни. [Подчинить плоть!!! Чем больше власти над плотью, тем больше духовности!]

Плотское существование имеет начало и конец: оно зависит от места и времени. Духовное же не знает ни начала ни конца. Это — сама сила жизни, которая поднимает нас в высоту. У этой

силы нет границ, и она не зависит ни от места ни от времени.

Человеку представляется, что жизнь его останавливается и раздваивается. Но на самом деле это не так. Задержек и колебаний истинной жизни нет и не может быть: они только кажутся при ложном взгляде на жизнь. Бывает же это вот от чего.

Человек начинает жить истинною жизнью: он как будто поднимается над жизнью животной и смотрит на нее с высоты. Он видит всю непрочность своего плотского существования, которое неизбежно кончается смертью. Человек как бы шел по площади, пределы которой ему были не видны. Потом он вдруг взлетел на высоту и сверху увидел, что площадь, по которой он шел, обрывается со всех сторон пропастями. Человек сначала не понимает, что этот подъем на высоту и есть сама жизнь, и он ужасается перед тем, что увидел с высоты. Вместо того, чтобы признать силу, поднимающую его в высоту, своею жизнью, вместо того, чтобы отдаться этой силе и подниматься выше и выше, человек ужасается перед тем, что открылось ему с высоты, и нарочно спускается вниз, ложится как можно ниже, чтобы не видеть обрывов, открывающихся ему. Но сила просветленного разума опять поднимает его, опять он видит, опять ужасается и, чтоб не видеть, опять припадает к земле. И это продолжается до тех пор, пока он не признает, что истинная его жизнь не находится на той площади, которая со всех сторон обрывается пропастями.

Человеку надо понять, что жизнь его только в движении в высоту, — что благо и жизнь заключается только в подчинении плоти закону разума. Ему надо понять, что у него есть крылья, поднимающие его над бездной, — что, если бы не было этих крыльев, он никогда и не поднимался бы в высоту и не видал бы бездны. Ему надо поверить в свои крылья и лететь туда, куда они влекут его.

Только от недостатка веры и происходят те колебания истинной жизни, остановки ее и странное внутреннее раздвоение, которые человек замечает в себе на первых порах развития в нем духовного разумения.

Только такому человеку, который считает свое плотское существование истинной своею жизнью, кажется, что духовное разумение только временами проникало в его плотское существование. И, глядя на свое духовное разумение, человек спрашивает себя, когда и как оно в нем появилось? Но сколько бы человек ни разбирал свое прошедшее, он никогда не найдет этих времен появления духовного разумения. То ему покажется, что духовное разумение никогда не было, то кажется, что оно всегда было в нем. Когда человек полагает свою жизнь в своем плотском существовании в известном месте и в известное время, то и свое разумение он хочет измерять тою же меркой [Но дух человеческий находится вне времени и вне пространства!]; тогда он спрашивает себя: «когда, как, сколько времени находился я в обладании разумением?» Промежутки между пробуждениями разумения существуют только для такого человека, который полагает свою жизнь в своем плотском существовании. Для человека же, полагающего свою жизнь в том, в чем она и есть, в деятельности разумения, не может быть этих промежутков.

Жизнь разума *есть*. Она одна есть. Промежутки времени одной минуты или 5000 лет безразличны для нее, потому что для нее нет времени. Жизнь человека истинная, — та жизнь, из которой он составляет себе понятие о всякой другой жизни, есть стремление к тому благу, которое достигается подчинением плоти закону разума. Ни разум, ни сила его преобладания над плотью не зависят от места или времени. Истинная жизнь человеческая не знает никаких пределов времени или места.

ГЛАВА 12

ИСТИННАЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ ВЕДЕТ К ОТРЕЧЕНИЮ ОТ БЛАГА ПЛОТСКОГО СУЩЕСТВОВАНИЯ

Жизнь есть стремление к благу. Стремление к благу есть жизнь. Так понимали, понимают и всегда будут понимать жизнь все люди. И потому жизнь человека есть стремление к человеческому благу, а стремление к человеческому благу и есть жизнь человеческая. Люди, не понимающие истинной жизни, полагают благо человека в его плотском благе.

Заблуждение это происходит от того, что люди смешивают плотское существование человека с его разумением. А между тем, отдельное плотское существование есть не только у человека, но и у каждого животного. Разумение же, понимание смысла жизни бывает только у человека. Разумение выше и шире плотского существования.

Животное может жить только для своего тела, — и ничто не мешает ему жить так. Оно удовлетворяет потребностям только своего тела и служить только своему роду [животный эгоизм ;(], хотя при этом животное и не понимает того, что такое отдельное плотское существование. Разумный же человек не может жить только для своего тела. Он не может так жить, потому что он знает, что у него свое отдельное существование, а потому знает, что и другие существа имеют так же, как и он, каждое свое особое существование, — знает и все то, что от этого происходит.

Если бы человек стремился только к благу своего тела, любил только себя, свое отдельное существование, то он не думал бы о других существах и не знал бы, что они также любят себя, как не знают этого животные; но если человек знает, что он существо, стремящееся к тому же, к чему стремятся и все окружающие его существа, он не может уже стремиться только к одному своему отдельному благу.

Человеку только кажется иногда, что когда он стремится к благу, то имеет в виду свое отдельное существование. Ошибка эта происходит от того, что человек воображает себе, что нужды его тела должны составлять главную заботу его разума. [Вот все века жизни человека в цивилизации были как раз направлены на то, чтобы применять **разум** на заботу о теле ;(]

Но разум всегда показывает человеку, что благо и жизнь не заключаются в удовлетворении его плотских нужд. Разумение неудержимо влечет человека к тому благу и той жизни, которые свойственны ему и которые не умещаются в его отдельном плотском существовании.

Обыкновенно думают и говорят, что когда человек отказывается от своего плотского блага, то он совершает подвиг. В действительности же это не есть ни

достоинство, ни подвиг, потому что в этих случаях человек не может сделать иначе. Когда человек понял всю невозможность и призрачность плотского блага, когда он понял, что истинно и прочно только то благо, на которое указывает его разумение, то он непременно отрекается от блага своего отдельного плотского существования.

Для животного *жизнь есть только то, что увеличивает* благо его тела. Но для человека — как раз наоборот. Такая деятельность человека, которая имеет целью достижение только плотского блага, не есть истинная человеческая жизнь.

Животное не обладает тем разумом, который показывает ему всю бедственность и непрочность его существования, и потому для него высшая цель жизни заключается в благе своего тела и в продолжении своего рода. Человеку же его разумение раскрывает истинное, духовное благо его жизни, которое не совпадает с его плотским благом.

Для человека плотская жизнь служит только ступенью, с которой он должен подняться выше для достижения истинного духовного блага, которое совсем не зависит от блага его тела.

Принято считать, будто для человека жизнь его есть кусок времени от рождения и до смерти его тела. Но это не есть жизнь человеческая; это только плотское существование человека. Жизнь же человеческая есть нечто такое, что только проявляется в плотском существовании, точно так же, как жизнь животная есть нечто такое, что только проявляется в существовании вещества.

Человек сначала думает, что цель его жизни заключается в удовлетворении требований его собственного плотского существа. И думает он так потому, что цель эта ему видна и понятна.

Другая же цель жизни, на которую указывает ему его разумение, кажется человеку непонятной, потому что она невидима. И человеку сначала страшно отказаться от видимого и отдаться невидимому.

Человеку кажутся просты и ясны требования его плотской жизни, которые исполняются сами собою и видимы и на себе и на других. Новые же, невидимые требования разумения кажутся человеку *излишними*, и удовлетворение их кажется ему сложным и неясным, потому что оно не делается само собою, а надо его совершать самому. Страшно и жутко отречься от прежнего ясного понятия о жизни и отдаться новому, еще смутному пониманию ее, как страшно и жутко было бы ребенку рожаться, если бы он мог чувствовать свое рождение, — но делать нечего, когда очевидно, что видимое представление плотского существования непременно кончается смертью, а невидимое сознание духа одно имеет жизнь.

ГЛАВА 13

ПЛОТСКОЕ СУЩЕСТВОВАНИЕ ЕСТЬ ОРУДИЕ ЖИЗНИ

Никакие рассуждения ведь не могут скрыть от человека той очевидной, несомненной истины, что его плотская жизнь непременно погибает, приближается к смерти, и что потому в его плотском существовании не может быть истинной жизни.

Человек видит, что его плотское существование от рождения и детства до старости и смерти постоянно тратится и убывает и неизбежно кончается смертью. А, между тем, человек, полагаящий свою жизнь в своем плотском существовании, постоянно желает, чтобы это его отдельное существование не прекращалось, но, напротив, все дальше продолжалось. И потому такой человек как бы раздваивается. Он постоянно страдает и испытывает на себе зло, тогда как единственный смысл его жизни есть стремление к благу.

И потому отречение от блага плотского существования есть закон жизни человеческой. Если человек не исполняет этого закона свободно, подчиняясь своему разумению, то закон этот совершается в нем насильно при его плотской смерти, когда он от тяжести страданий *будет желать* одного: избавиться от мучительного сознания своего погибающего плотского существования и перейти в другой вид существования.

Вступление в жизнь и сама жизнь человека подобна тому, что совершается с лошадью, которую хозяин выводит из конюшни и впрягает. Когда лошадь выходит из конюшни, видит свет и чувствует свободу, то ей кажется, что в этой свободе и заключается ее жизнь; но ее впрягают и трогают. Она чувствует за собой тяжесть и, если она думает, что жизнь ее в том, чтобы бегать на свободе, она начинает биться, падает, убивается иногда. Но если она не убьется, ей только два выхода: или она пойдет и повезет, и увидит, что тяжесть не велика, и езда не мука, а радость; или отобьется от рук, и тогда хозяин сведет ее на рушильное колесо, привяжет арканом к стене, колесо завертится под ней, и она будет ходить в темноте на одном месте, страдая, но ее силы не пропадут даром: она сделает свою невольную работу, и закон исполнится и на ней. Разница будет только в том, что первая лошадь будет работать радостно, а другая невольно и мучительно. «Но для чего дано мне это мое тело, если я, человек, должен отречься от наслаждений плотской жизни, чтобы получить истинную жизнь?» Так говорят люди, признающие свое плотское существование настоящей и единственной своей жизнью.

Плотское существование, в котором застаёт себя человек, и которое он призван подчинять своему разумению, есть не преграда, но орудие, которым он работает. Плотское существование для человека — это лопата, которая дана разумному существу для того, чтобы ею копать и, копая, тупить ее и точить, тратить, а не очищать и хранить. Это талант, данный ему для прироста, а не для хранения. «И кто хочет жизнь свою сберечь, тот потеряет ее. И кто потеряет жизнь свою ради Меня, тот обретет ее».

В этих словах сказано, что сберечь нельзя то, что должно погибнуть и не переставая погибает, — а что только отрекаясь от того, что погибнет и должно погибнуть, т.е. от нашей плотской жизни, мы получаем нашу истинную жизнь, которая не погибает и не может погибнуть. Сказано то, что истинная жизнь наша начинается только тогда, когда мы перестаем считать жизнью то, что не было и не могло быть для нас жизнью, наше плотское существование. Сказано то, что тот, кто будет только беречь лопату, данную ему для приготовления себе пищи, которая поддерживает жизнь, — тот, сберегши лопату, потеряет и пищу, и жизнь.

ГЛАВА 14

РОЖДЕНИЕ ДУХОМ

«Должно вам родиться снова», — сказал Христос. Не то, чтобы человеку кто-нибудь велел родиться, но человек неизбежно приведен к этому. Чтобы иметь жизнь, ему нужно вновь родиться в этом существовании духовным разумением.

Человеку дано разумение с тем, чтобы он положил жизнь в том благе, которое открывается ему разумением. Тот, кто в этом благе положил жизнь, тот имеет жизнь; тот же, кто не полагает в нем жизни, а полагает ее в благе плотского существования, тот этим самым лишает себя жизни. В этом состоит объяснение жизни, данное Христом.

Те люди, которые признают жизнью свое стремление к плотскому благу, слышат эти слова и не то, что не признают, а не понимают, не могут понимать их. Им кажутся эти слова или ничего не значащими, или значащими очень мало, означающими некоторое, напущенное на себя, чувствительное настроение. Они не могут понимать значения этих слов, объясняющих такое состояние, которое им недоступно, как не могло бы сухое, непроросшее семя понимать состояние семени, отсыревшего уже и наклюнувшегося [Так же мясоеды не понимают **духовности**]. Для сухих зерен то солнце, которое светит на рождающееся к жизни семя, не имеет никакого особенного значения; но для наклюнувшегося семени оно есть причина рождения к жизни. Точно так же для таких людей, которые не дожили еще до внутреннего несообразия между плотской жизнью и духовным разумением, свет солнца разума не имеет никакого особенного значения. **Солнце оживляет только тех, в ком зародилась уже жизнь.**

О том же, как зарождается она, почему, когда, где, не только в человеке, но и в животных и растениях, никто никогда и не узнал. О рождении ее в человеке Христос сказал, что никто этого не знает и не может знать.

И в самом деле: что может знать человек о том, как зарождается в нем жизнь? Жизнь есть свет человеков, жизнь есть жизнь, — начало всего. Как же может знать человек о том, как она зарождается? Зарождается и погибает для человека то, что не живет, то, что показывается только в известном месте и в известное время. Жизнь же истинная *есть*, и потому она для человека не может ни зародиться, ни погибать.

ГЛАВА 15

ЧЕГО ТРЕБУЕТ РАЗУМ

Да, разум ясно говорит человеку, что при том устройстве мира, которое он видит вокруг себя, ему, его плоти, блага быть не может. Жизнь его есть желание блага себе — именно себе, и он видит, что благо это невозможно. Но странное дело: несмотря на то, что он видит несомненно, что благо это невозможно ему, он все-таки живет одним желанием этого невозможного блага, — блага только себе.

Человек, у которого разум только проснулся, но не успел еще подчинить себе плотской жизни, если он не убивает себя, то живет еще только для того, чтобы достигнуть этого невозможного блага: живет и действует такой человек только для того, чтобы благо было ему одному, чтобы все люди и даже все существа жили и действовали только для того, чтобы ему одному было хорошо, чтобы ему было наслаждение, для него не было страданий и не было смерти.

Удивительное дело: несмотря на то, что и опыт свой, и наблюдение жизни всех окружающих, и разум, несомненно, ясно показывают каждому человеку, что это недостижимо, показывают ему, что невозможно заставить другие живые существа

перестать любить самих себя и принудить их любить только его, — несмотря на это, жизнь большинства людей только в том, чтобы богатством, властью, почестями, славой, лестью, обманом, как-нибудь, но заставить другие существа жить в угоду им одним.

Люди делали и делают все, что могут, для этой цели и вместе с тем видят, что они делают невозможное. «Жизнь моя есть стремление к благу», — говорит себе человек. «Благо возможно для меня только, когда все будут меня любить больше, чем самих себя; а все существа любят только себя, — стало быть, все, что я делаю для того, чтобы их заставить любить меня, бесполезно. Бесполезно, а другого ничего я делать не могу».

Проходят века: люди узнают расстояние от звезд, узнают их вес, узнают, из чего они состоят; а как решить, в чем благо каждого отдельного человека, как ему найти свое счастье, когда жизнь мира идет наперекор желаниям отдельного человеческого существа и делает для него благо невозможным, — все это и теперь остается нерешенным для большинства людей, как было и для людей за 5000 лет назад.

Разум говорит человеку: да, ты можешь иметь благо, но только, если все будут любить тебя больше самих себя. И тот же разум показывает человеку, что этого блага быть не может, потому что все любят больше всего самих себя. И потому единственное благо, которое разум показывает человеку, этот же самый разум от него опять закрывает.

Проходят века, и загадка о благе жизни человека остается для большинства людей тою же неразрешимой загадкой. А, между тем, загадка разгадана давным-давно. И всем тем, которые узнают разгадку, всегда удивительным кажется, как они сами не разгадали ее, — кажется, что они давно уже знали, но только забыли ее: так просто и само собою напрашивается разрешение загадки, казавшейся столь трудной среди ложных учений нашего мира.

Ты хочешь, чтобы все жили для тебя, чтобы все любили тебя больше себя? Есть только одно *средство*, при котором желание твое может быть исполнено. Для этого надо, чтобы все существа жили бы для блага других и любили бы других больше себя. Тогда только все существа были бы любимы всеми, и ты, в числе их, получил бы то самое благо, которого ты желаешь. Если же благо возможно тебе только тогда, когда все существа любили бы других более себя, то и ты, живое существо, должен любить другие существа более себя самого. [Так как твоё благо возможно, если тебя будут любить, то надо, чтобы **все любили других**, а значит, ты должен начать **любить других**.]

Только в этом случае возможно благо и жизнь человека, и только в этом случае уничтожается то, что отравляло жизнь человека, — уничтожается борьба существ, мучительность страданий и страх смерти.

В самом деле, отчего невозможно благо плотского существования? Во-первых, оттого, что есть **борьба** между собой существ, ищущих плотского блага; во-вторых, от того, что есть **обман наслаждения**, приводящий к трате жизни, к пресыщению, к страданиям; и, в-третьих, от того, что есть **смерть**. Но стоит только человеку перестать стремиться к своему отдельному благу и начать доставлять благо другим существам, и он тотчас же найдет то единственное благо, которое действительно достижимо.

Стоит человеку положить свою жизнь в том, чтобы доставлять благо другим, и вся его прежняя безумная деятельность ради своего недостижимого плотского блага заменяется другою разумною деятельностью. Такая жизнь согласна с

назначением человека и имеет целью самое большое *общее* благо, а вместе с тем и благо отдельных людей.

Когда человек стремился к своему собственному отдельному благу, то он видел в мире неразумную **борьбу существ**, губящих друг друга.

Но стоит человеку положить всю свою жизнь на благо других, чтобы увидеть в мире совсем другое: увидеть, что рядом с борьбою существ есть и постоянное взаимное сдужение их друг другу, — то служение, без которого мир не мог бы существовать. [СЛУЖЕНИЕ!]

Другая причина, вследствие которой так бедственна жизнь для самого себя, и которая делает благо для человека невозможным, есть **обманчивость плотских наслаждений**, которые растрачивают жизнь и приводят к пресыщению и страданиям.

Но стоит человеку признать свою жизнь в стремлении к благу других, и уничтожается обманчивая жажда наслаждений. Жить для того, чтобы искать наслаждений и радостей плотских — все равно, что наполнять бездонную бочку; такая жизнь, праздная и мучительная, заменяется деятельностью, согласной с законами разума, для поддержания жизни других существ. И свои собственные страдания и несчастья заменяются чувством сострадания к другим, а из этого чувства происходит, несомненно, плодотворная и самая радостная деятельность.

Третья причина бедственности плотской жизни есть **страх смерти**.

Но стоит человеку признать свою жизнь не о своем плотском благе, а в благе других существ, и пугало смерти навсегда исчезнет из глаз его.

Ведь страх смерти происходит только от страха потерять блага плотской жизни, когда наступит смерть.

Но если бы человек мог полагать свое благо в благе других людей, т.е. любил бы их больше себя, то смерть не казалась бы ему тем прекращением блага жизни, каким она кажется человеку, живущему только для себя. Смерть для человека, живущего для других, не могла бы казаться уничтожением блага и жизни, потому что благо и жизнь других людей не прекращаются при плотской смерти человека, служащего им, но очень часто еще увеличиваются и усиливаются, когда человек приносит в жертву свою жизнь для блага ему [подобных].

ГЛАВА 16

ЕЩЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВО ТОГО ЖЕ

«Но это не жизнь», — скажет возмущенный заблудший человек. — «Это отречение от жизни, самоубийство». — «Ничего этого не знаю», — отвечает просветленный разум, — «знаю, что такова жизнь человеческая, и другой нет и быть не может. Знаю более того, — знаю, что такая жизнь есть жизнь и благо и для человека, и для всего мира. Знаю, что прежде жизнь моя и жизнь всего мира казалась мне злом и бессмыслицей, теперь же я понимаю, что жизнь есть исполнение того высшего закона разума, который вложен в человека.»

«Знаю, что только этим путем служения каждого всем (и, таким образом, — служения всех каждому) может быть достигнуто наибольшее благо жизни каждого существа, и притом такое благо, которое будет увеличиваться без конца».

«Но если это и желательно, то это неисполнимо», — скажет возмущенный заблудший человек. — «Теперь другие не любят меня больше себя, и потому и я не могу любить их больше себя и ради них лишаться наслаждений и подвергаться страданиям. Мне дела нет до закона разума; я себе хочу наслаждений и себе хочу избавления от страданий. Но теперь существует борьба существ между собою, и, если я один не буду бороться, другие задавят меня. Мне все равно, какое желательно наибольшее благополучие всех, — мне нужно теперь наибольшее мое собственное благо». Так говорит заблудший человек.

«Ничего не знаю про это», — отвечает разум. — «Знаю только, что то, что ты называешь своими наслаждениями, только тогда будет благом для тебя, когда ты не сам будешь брать, а другие будут давать их тебе».

«Но теперь, когда ты сам для себя хочешь их ухватывать, — теперь ты будешь испытывать от твоих наслаждений неудовлетворение или излишество. Только тогда ты избавишься от действительных страданий, когда другие будут тебя избавлять от них, а не ты сам, — как теперь, когда из страха воображаемых страданий ты лишаешь себя самой жизни.»

«Знаю, что жизнь для самого себя, жизнь такая, при которой необходимо, чтобы все любили меня больше всех, и я любил бы только себя, и при которой я мог бы получить как можно больше наслаждений и избавиться от страданий и смерти, — знаю, что такая жизнь есть величайшее и не перестающее страдание. Чем больше я буду любить себя и бороться с другими, тем больше другие будут ненавидеть меня и тем злее бороться со мной; чем больше я буду ограждать себя от страданий, тем они будут мучительнее; чем больше я буду ограждать себя от смерти, тем она будет страшнее.»

«Знаю, что, что бы ни делал человек, он не получит блага до тех пор, пока не будет жить сообразно закону разумной жизни. Закон же этот не есть борьба, а, напротив, взаимное служение существ друг другу.»

«Все это я знаю, но я полагаю свою жизнь только в своем собственном отдельном существовании, и мне невозможно полагать ее в благе других существ.»

«Ничего не знаю», — говорит просветленный человек, — «знаю только то, что моя жизнь и жизнь мира, которые прежде казались мне злой бессмыслицей, теперь имеют для меня цельный, разумный смысл: обе эти жизни живут и стремятся к одному и тому же благу через подчинение одному и тому же закону разума, который я знаю в себе».

«А мне невозможно это», — говорит заблудший человек. И вместе с тем нет человека, который не делал бы этого самого невозможного и в этом самом невозможном не полагал бы лучшего блага своей жизни.

«Невозможно полагать свое благо в благе других существ», — говорят люди в минуту заблуждения. А, между тем, нет человека, который хоть когда-нибудь не бывал в таком состоянии, при котором благо других становилось его благом. «Невозможно полагать благо в трудах и страданиях для другого», — говорит заблудший человек. А стоит человеку отдаться этому чувству сострадания, — и наслаждения его собственного отдельного существа теряют для него смысл, и сила жизни его переходит в труды и страдания для блага других, и страдания и труды становятся для него благом. «Невозможно жертвовать своей жизнью для блага других», думает человек с непросветленным разумом. А стоит человеку познать это чувство, и смерть не только не видна и не страшна ему, но делается высшим доступным ему благом.

Разумный человек не может не видеть того, что если вместо того, чтобы стремиться к своему благу, он станет стремиться к благу других существ, то жизнь его, вместо прежнего неразумия и бедственности, станет разумною и благою. Он не может не видеть и того, что, если такая же перемена произойдет и в других людях и существах, то жизнь всего мира, вместо прежнего безумия и жестокости, станет тем высшим разумным благом, которого только и может желать человек. — Вместо прежней бессмысленности и бесцельности, жизнь мира получает для него разумный смысл. Такой человек познает, что цель жизни мира есть то нескончаемое просветление и единение существ мира, к которому идет жизнь [Цель мира — просветление и единение!]. И в этом просветлении и единении сначала люди, а потом и все существа более и более подчинятся закону разума и будут понимать то, что дано понимать теперь одному человеку, что благо жизни достигается не стремлением каждого существа к своему собственному отдельному благу, а стремлением, согласно с законом разума, каждого существа к благу всех других.

Но мало того: когда мы признаем, что, вместо того, чтобы стремиться к своему благу, мы должны стремиться к благу других существ, то мы увидим, что по этому пути и двигалось вперед человечество и те живые существа, которые ближе к человеку. Во всем человечестве замечается постепенное большее и большее отречение от жизни для себя и перенесение своих забот от себя на другие существа. Сравнивая теперешнюю жизнь человечества с прежнюю, мы видим, что движение общей жизни не в усилении и увеличении борьбы существ между собою, а, напротив, в уменьшении несогласия и в ослаблении борьбы. Мы видим, что движение жизни только в том, что мир, подчиняясь разуму, из вражды и несогласия приходит все более к согласию и единству. Люди, поедавшие друг друга, перестают поедать; убивавшие пленных и своих детей перестают их убивать; военные, гордившиеся убийством, перестают этим гордиться; люди, учреждавшие рабство, уничтожают его; убивавшие животных, начинают приручать их и меньше убивать; начинают питаться вместо тела животных их яйцами и молоком; начинают и в мире растений уменьшать их уничтожение. Мы видим, что лучшие люди человечества осуждают поиски за наслаждениями, призывают людей к воздержанности, а самые лучшие люди, восхваляемые потомством, показывают примеры жертвы своим существованием для блага других.

Мы видим, что та жизнь для других, которую мы по разуму признали единою истинною, она сама действительно понемногу и достигается в мире и в настоящее время, и в прежние века.

Но мало и этого. Это самое еще с другой стороны обнаруживается человеку еще яснее, чем разумом и прошлого жизнью человечества. В самом сердце человека заложено стремление, которое влечет его, как к благу, к той самой жизни для других, которую указывает ему его разум. Это стремление сердца называется любовью.

ГЛАВА 17

ТРЕБОВАНИЯ ПЛОТСКОГО СУЩЕСТВОВАНИЯ КАК БУДТО НЕ СОГЛАСУЮТСЯ С ТРЕБОВАНИЯМИ

ВЫСШЕГО РАЗУМА. ТРЕБУЕТСЯ НЕ ОТРЕЧЕНИЕ ОТ ПЛОТСКОГО СУЩЕСТВОВАНИЯ, А ПОДЧИНЕНИЕ ЕГО РАЗУМЕНИЮ

И разум, и рассуждение, и прошлая жизнь человечества, и внутреннее чувство человека, — все, казалось бы, убеждает человека в справедливости такого понимания жизни; но человеку, воспитанному в учении мира, все-таки кажется, что исполнение требования его разума и его внутреннего чувства не может быть законом его жизни.

«Не бороться с другими за свое собственное благо, не искать наслаждений, не предотвращать страдания и не бояться смерти! И как же я отрекусь от своего плотского блага, когда я чувствую требования моего тела, и разум мой говорит мне, что требования эти справедливы?» Так говорят с полной уверенностью образованные люди нашего мира.

И замечательное дело. Люди рабочие, простые, неученые почти никогда не защищают требования плотской жизни и всегда чувствуют в себе такие требования, которые идут вразрез с плотскими требованиями. Только между людьми богатыми и образованными встречаются такие, которые совсем не признают требований духовного разума и утверждают, что самая разумная жизнь заключается в удовлетворении требований плотского существования. [;(]

Человек образованный, изнеженный, праздный всегда будет доказывать, что всякий имеет полное право жить только для самого себя, ибо всякому нужно есть и прежде всего нужно позаботиться о самом себе.

Человек же голодающий не будет доказывать, что человеку нужно есть, — он знает, что все это знают, и что этого ни доказать, ни опровергнуть нельзя: он будет есть, когда можно, сколько ему нужно, и не будет об этом рассуждать.

Происходит это от того, что человек простой, необразованный, всю жизнь свою работавший телом, не извратил своего разума и сохранил его во всей чистоте и силе.

Человек же досужий и образованный всю свою жизнь занимался тем, что размышлял о самых пустых и ничтожных вещах, о которых вовсе нет надобности думать человеку, и поэтому он развратил свой разум; разум не свободен у него. Разум занят неподходящим ему делом — обдумыванием потребностей своего отдельного существа, увеличением их и придумыванием способов их удовлетворить.

«Но я чувствую требования моего отдельного существа, и потому эти требования и справедливы», — говорят образованные люди, воспитанные мирским учением.

И нельзя им не чувствовать требований своего плотского существования. Вся жизнь этих людей тратится на увеличение требований различных удобств и удовольствий для самих себя. Все, что только ни придет им в голову, все это они считают вполне позволительным требованием для себя. И так как нет конца всему тому, что может прийти человеку в голову, то нет конца и требованиям этих праздных людей. Они все усилия свои употребляют на удовлетворение этих

требований [Иллюзия "бесконечных материальных потребностей" возникает **от безделья!** Бездельники **круглосуточно** окружены едой, спитным, женщинами и т.д., а потому **ежеминутно** соблазняются, и им начинает казаться, что и все люди так. Но в том-то и дело, что рабочий человек день-деньской занят трудом, ему не до еды и т.д.!!!] и потому не обращают внимания на **требования истинной жизни.**

Почему же мы не чувствуем требований своего разума, а чувствуем одни потребности своего плотского существования? Потому что мы употребляем весь наш разум на усиление наших животных похотей, которые владеют нами и скрыли от нас **нашу истинную человеческую жизнь.** Сорная трава разросшихся пороков задавила **ростки истинной жизни.** [Мы сами от себя спрятали правду!]

Да как же и не быть этому в нашем мире, когда те, которые считаются учителями других, прямо признают, что высшее совершенство каждого человека заключается в том, чтобы у него было как можно больше потребностей, и что благо народа в том, чтобы у него было много потребностей и он мог бы удовлетворять их. [;(]

Понятно, что люди, воспитанные в таком учении, говорят, что они не чувствуют требований разума, а чувствуют одни потребности своего плотского существования. Да как же им и чувствовать требования разума, когда весь разум их без остатка ушел на усиление их похотей, и как им отречься от требований своих похотей, когда эти похоти поглотили всю их жизнь. [Облеплены ЗАВИСИМОСТЯМИ, что живого места не осталось! ;(;(]

«Невозможно отказаться от своего плотского существования», — говорят обыкновенно эти люди, нарочно путая дело и показывая вид, будто им предлагают не подчинить свое плотское существование закону разума, а совсем отказаться от плотского существования.

Это против законов природы, говорят они, и потому невозможно. Да никто и не говорит об отречении от плотского существования. Плотская жизнь так же нужна человеку на земле, как необходимо для животного дыхание. Как животному отказаться от дыхания? Про это и говорить нельзя. Так же нельзя говорить разумному человеку и об отречении от плотского существования.

Истинные законные требования плотской жизни всегда могут быть удовлетворены. Не может человек говорить, что я буду есть или во что оденусь? Все эти потребности обеспечены человеку так же, как птице и цветку, если только он живет разумной жизнью. И в самом деле, никакой разумный человек не воображает себе, чтобы обеспечением своего плотского блага он мог бы уменьшить бедственность своего существования.

ГЛАВА 18

ЧУВСТВО ЛЮБВИ ЯВЛЯЕТСЯ ТОГДА, КОГДА ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ СУЩЕСТВО ПОДЧИНЯЕТСЯ ДУХОВНОМУ РАЗУМЕНИЮ

Разумный человек не может жить только для того, чтобы удовлетворять нуждам своего собственного отдельного существа. Не может, потому что все пути заказаны ему: нет никакой возможности удовлетворить всем своим плотским нуждам, *которых бывает тем больше, чем больше их удовлетворяют* [Якобы бесконечные потребности % (Но совершенство-то как раз в ограничении потребностей! В простоте!]. Разум указывает человеку другие цели, которые не только возможно достигнуть, но которые удовлетворяют разумению истины. Сначала, однако, под влиянием ложного учения мира, человеку кажется, что эти разумные цели не согласуются с благом его отдельного существования.

Человек чувствует в себе два начала: он чувствует, что в нем живет разумение, и вместе с тем он чувствует свое отдельное плотское существование. У человека, воспитанного в нашем мире, так разрослись всякие похоти, что при всем его желании ему трудно отдаться *своему разумному началу*. В своем отдельном плотском существе он чувствует, будто в самом деле живет; между тем как ему кажется, что разумение его само по себе не живет и не стремится к жизни, а только со стороны смотрит на жизнь, наблюдает ее. У такого человека разумение как будто не стремится к жизни, а плотская жизнь страдает, потому что она видит всю свою непрочность и бессмысленность. И потому такому человеку, если только разум его вполне не просветится, остается одно — избавиться от жизни.

Так и учат некоторые ученые нашего времени. Они говорят, что самое разумное дело для человека это лишить себя жизни. Эти ученые проповедуют другим самоубийство, но сами не убивают себя. Зато последнее время все большее и большее число молодых людей убивают себя, не видя в жизни ничего, кроме зла. [Завязли в цивилизации. ;(Надо смотреть на **Реальность!** Тогда будешь видеть и добро!]

Самоубийство кажется этим несчастным людям единственным спасением от неразумия человеческой жизни нашего времени.

Рассуждение ученых, проповедующих самоубийство, и тех несчастных, которые действительно убивают себя, таково: есть во мне отдельное плотское существо, которое стремится к жизни. Это существо с своими стремлениями не может получить удовлетворения. Есть во мне еще другое начало — мое разумение. Оно не стремится к жизни, оно только со стороны смотрит на всю ложную жизнерадостность, на все страстные стремления плотского существования и указывает на их бессмысленность.

Отдайся я своему плотскому существованию, я вижу, что живу безумно и иду к бедствиям, все глубже и глубже погружаюсь в них. Отдайся я своему разумению, — во мне не останется стремления к жизни. Я вижу, что жить для одного того, для чего мне хочется жить, для моего собственного счастья, — нелепо и невозможно. Для разумения же и можно бы жить, да незачем и не хочется. Служить тому началу, от которого я исшел, — Богу? Зачем? У Бога, если Он есть, и без меня найдутся служители. А мне зачем?

Смотреть на всю эту игру жизни можно, пока не скучно. А скучно, — можно уйти, убить себя. [% (И так ведь делают! См. www.mysuicid.ru]

Это нелепое понимание жизни появилось у людей еще до Соломона, до Будды, и признается за истинное ложными учителями нашего времени.

Требования плотского существования приняли такие громадные размеры, так разрослись, так загромоздили собою всю жизнь человека, что ему кажется, что кроме них ничего и нет у него, и потому, когда разум противодействует этим требованиям, то человек воображает себе, что разум противодействует всей его

жизни. Ему кажется, что если откинуть из его жизни все то, что порицает разум, то ничего не останется. Он не видит уже того, что остается. [Наш опыт общения с людьми показывает точно то же самое!!! Отказ от цивилизации — это не отказ от всей Реальности. Отказ от порочных потребностей — это не отказ от всей жизни!] Остаток ему кажется ничем, а, между тем, **в этом-то остатке и содержится вся истинная жизнь человека.**

Но свет во тьме светит, и тьма не может объять его.

Учение истины уничтожает ту несообразность, по которой человеку кажется, что ему приходится или отдаться безумной жизни, или же совсем лишиться себя жизни.

Учение истины, которое всегда и называлось **евангелием, т.е. учением о благе.** Указало людям, что, вместо того обманчивого плотского блага, которого они ищут, они не то, что могут получить когда-то, где-то, но **всегда имеют сейчас, здесь самое настоящее благо, всегда доступное им и такое, которое никто не может отнять у них.**

Благо это не есть что-то такое, что существует только на словах, или что надо отыскивать где-то, не есть благо, обещанное где-то и когда-то, а есть **то самое знакомое человеку благо, к которому всегда стремится каждая неразвращенная душа человеческая.**

Все люди с самых первых детских лет знают, что, кроме блага своего отдельного плотского существования, **есть еще одно лучшее благо жизни, которое не только не нуждается в удовлетворении плотских похотей, но, напротив, бывает тем больше, чем больше человек отказывается от своего плотского блага.**

Все люди знают это чувство, — которое уничтожает все несообразности жизни человеческой и дает наибольшее благо человеку. Чувство это есть **любовь.**

Жизнь есть подчинение плотского существования закону разума. Разум есть тот закон, которому для своего блага должно быть подчинено плотское существование человека. Любовь есть единственная разумная деятельность человека.

Плотская жизнь человека для самого себя стремится к благу. Разум указывает человеку обманчивость блага жизни для самого себя и открывает один путь для истинной жизни. Путь этот есть отречение от себя.

Плотское существо человека требует блага; разум показывает человеку несчастье всех существ, борющихся между собою, показывает ему, что блага для его плотского существа быть не может, показывает ему, что **единственное благо, возможное ему, было бы такое, при котором не было бы ни борьбы с другими существами, ни прекращения блага, пресыщения им, не было бы предвидения и ужаса смерти.** [Свойства истинного блага.]

И вот, то самое благо, на которое указывает ему разум, человек находит в душе своей [Благо уже в нас!], как находят ключ к замку, который хотят отпереть. И чувство это не только уничтожает прежнее несообразие жизни, но даже как бы нуждается в этом несообразии для своего действия.

Другие плотские существа для своей выгоды хотят воспользоваться плотским существом человека. А чувство любви побуждает человека отдать свое существование на пользу других существ.

Плотская личность людей страдает. **Любовь побуждает человека облегчать эти страдания людей.** Плотское существо желает себе блага, но с каждым дыханием оно, напротив того, приближается к величайшему злу, — к смерти и, предвидя это,

оно лишается всякой возможности блага для себя. А чувство любви не только уничтожает страх смерти, но побуждает человека совсем пожертвовать своим плотским существованием для блага других.

ГЛАВА 19 ИСТИННАЯ ЛЮБОВЬ НЕ МОЖЕТ БЫТЬ У ТЕХ ЛЮДЕЙ, КОТОРЫЕ НЕ ПОНИМАЮТ СМЫСЛА СВОЕЙ ЖИЗНИ

Всякий человек знает, что в чувстве любви есть что-то особенное, — такое, что способно уничтожить все несообразности жизни и давать человеку то полное благо, к которому он стремится всей своей жизнью. «Но ведь это чувство бывает у человека только изредка, продолжается не долго, и после него наступают еще худшие страдания», — говорят люди, не разумеющие жизни.

Эти люди не понимают, что в любви заключается весь истинный смысл жизни. Этим неразумным людям кажется, что любовь — это просто одно из тех многих и разных настроений, в которых бывает человек: бывает, что человек щеголяет, бывает, что он увлекается наукою или искусством, бывает, что увлечен службою, честолюбием, приобретением богатства, бывает, что он любит кого-нибудь. *А не понимают того эти люди, что любовь есть вся истинная жизнь, данная человеку, что в любви — вся сущность жизни человеческой. Люди непросветленные полагают, что любовь есть такое же мимоходное настроение, как и все другие настроения, которым подвергается человек во время своей жизни. Даже можно часто прочесть в книгах или услышать от людей такое суждение, что любовь есть мучительное настроение, которое нарушает правильное течение жизни. Нечто подобное тому, что должно казаться сове, когда восходит солнце.*

Правда, люди, думающие так, чувствуют, что в состоянии любви есть что-то особенное, более важное, чем во всех других настроениях. Но люди эти не понимают жизни, и потому они не могут понимать и любви; и состояние любви кажется им таким же бедственным и таким же обманчивым, как и все другие состояния. Один стихотворец сказал:

«Любить?.. Но кого же? На время не стоит труда, А вечно любить невозможно»...

Словами этими признается, что в любви должно бы быть спасение от бедствий жизни и единственное состояние, похожее на истинное благо; но вместе с тем в словах этих признается и то, что любовь к смертным людям не может служить спасением. Любить некого, и всякая любовь проходит. И потому любовь могла бы быть благом только тогда, когда было бы кого любить, и был бы тот, кого можно любить вечно. А так как этого нет, то и нет спасения в любви, и любовь — такой же обман и такое же страдание, как и все остальное.

И так, и не иначе, как так, могут понимать любовь люди, учащие и сами научаемые тому, что жизнь есть ничто иное, как плотское существование.

Люди, полагающие жизнь в плотском существовании, очень часто считают любовью то, что вовсе не есть истинная любовь. Они, например, называют любовью то чувство, по которому мать для блага своего ребенка отнимает другую

мать от ее голодного ребенка, берет ее к себе в кормилицы, тревожится о том, успешно ли пойдет кормление своего ребенка, и вовсе не думает о том другом ребенке, у которого отнято материнское молоко; — *считают любовью* то чувство, по которому отец, чтобы оставить богатое наследство своим детям, отнимает последний кусок хлеба у голодающих людей; — то чувство, по которому влюбленный в женщину сам страдает от этого и заставляет ее страдать тем, что соблазняет ее или из ревности губит себя и ее; — то чувство, по которому бывает даже, что человек влюбленный насильничает женщину; — то чувство, по которому люди одного товарищества наносят вред другим, чтобы отстоять своих; — то чувство, по которому человек занимается каким-нибудь любимым своим делом, которое причиняет горе и страдание окружающим его людям; — то чувство, по которому люди не могут стерпеть оскорбления любимому отечеству и из-за этого устилают поля убитыми и ранеными, своими и чужими.

То чувство, по которому совершаются все эти поступки, люди, не разумеющие жизни, называют любовью. Но в действительности во всем этом нет и тени истинной любви.

Для людей, полагающих жизнь в благе своего плотского существа, бывает не только трудно оказывать любовь, но даже мучительно, а часто — и невозможно. [Пока ты **тело**, ты любить не можешь!] Люди, не понимающие жизни, обыкновенно говорят, что не надо рассуждать о любви, а просто и прямо предаваться тому чувству, которое заставляет предпочитать одного человека другому. Это-то чувство они и считают настоящею любовью.

Они правы, что нельзя рассуждать о любви, и что всякое рассуждение о любви уничтожает любовь. Но дело в том, что не рассуждать о любви могут только те люди, которые уже употребили свой разум на понимание жизни и отреклись от блага своего отдельного существа; те же люди, которые не поняли жизни и живут для блага своего плотского существования, не могут не рассуждать. Им необходимо рассуждать, чтобы предаваться тому чувству, которое они назвали любовью. Всякое действие этого чувства невозможно для них без рассуждения, без того, чтобы они старались разрешить неразрешимые вопросы.

В самом деле, люди предпочитают, например, своего ребенка, своих друзей, свою жену, свое отечество всяким другим детям, женам, друзьям, отечествам и называют это чувство любовью.

Любить вообще значит делать доброе. Так мы все понимаем и не можем иначе понимать любовь. И вот я люблю своего ребенка, свою жену, свое отечество, т.е. желаю блага своему ребенку, жене, отечеству больше, чем другим детям, женам, отечествам. Никогда не бывает и не может быть, чтобы я любил только своего ребенка, или жену, или только отечество. Всякий человек любит вместе и ребенка, и жену, и отечество, и людей вообще. Между тем благо, которое он по своей любви желает различным любимым существам, бывает большею частью такого свойства, что оно не только мешает благу других существ, но даже прямо в ущерб ему.

И вот являются вопросы, — **во имя какой любви и как действовать?** Во имя какой любви жертвовать другою любовью, кого любить больше и кому делать больше добра, — жене или детям, жене и детям или друзьям? Как служить любимому отечеству, не нарушая любовь к жене, детям и друзьям? Как, наконец, решать вопросы о том на сколько можно мне жертвовать и моим отдельным существом, нужным для служения другим? Насколько мне можно заботиться о себе для того, чтобы я мог, любя других, служить им?

Все эти вопросы кажутся очень простыми для тех людей, которые не пытались разобраться в чувстве, называемом ими любовью, но вопросы эти на самом деле не только не просты, они совершенно неразрешимы.

И не даром законник поставил Христу этот самый вопрос: кто ближний? Отвечать на эти вопросы кажется очень легко только тем людям, которые забывают настоящие обстоятельства жизни человеческой.

Только если бы люди были боги, как они часто и воображают себя, только тогда они бы могли любить одних избранных людей: тогда бы только и предпочтение одних другим могло бы быть истинною любовью. Но люди не боги, *а всегда, как и все живые существа, живут одни на счет других, и человек, как разумное существо, должен знать и видеть это. Он должен знать, что всякое плотское благо получается одним существом только в ущерб другому. [За счёт других! Только в ущерб! ;(]*

Сколько бы ни уверяли людей некоторые мечтатели о таком будущем золотом веке, в котором всего всем будет довольно, разумный человек видит и знает, что закон его земного существования есть борьба всех против каждого, каждого против каждого и против всех.

В той давке и борьбе плотских выгод, которое составляет жизнь мира, человеку невозможно любить избранных, как это воображают люди, не понимающие жизни. Человек, если он любит хотя и избранных, он никогда не любит только одного. Всякий человек любит и мать, и жену, и ребенка, и друзей, и отечество, и даже всех людей. И любовь, как все согласны, не есть только слова, но есть дела, направленные на благо других. Дела же эти не происходят в каком-нибудь установленном порядке, например, так, что от человека сначала требуются дела самой сильной любви, потом менее сильной и т.д. Дела любви требуются беспрестанно все вместе, без всякого порядка. Сейчас пришел голодный старик, которого я немножко люблю, и просит еды, а я берег эту еду на ужин моим детям, которых очень люблю. Как мне взвесить требования сейчасной менее сильной любви с будущими требованиями более сильной любви?

Эти самые вопросы и были поставлены законником Христу: «Кто ближний?». В самом деле, как решить, кому нужно служить и в какой мере: людям или отечеству; отечеству или своим приятелям; своим приятелям или своей жене; своей жене или своему отцу; своему отцу или своим детям; своим детям или самому себе, чтобы быть в состоянии служить другим, когда это понадобится?

Ведь все эти требования любви, и все они спутаны между собою так, что если человек исполняет одни из этих требований, то он лишается возможности исполнить другие. Если же я допущу, что озябшего ребенка можно не одеть, потому что моим детям когда-нибудь понадобится то платье, которого у меня просят, то во имя моих будущих детей я могу не отдаваться и другим требованиям любви.

Точно то же и по отношению к любви к отечеству, избранным занятиям и ко всем людям. Если человек может отказать требованиям самой малой любви **настоящего** во имя требования самой большой любви будущего, то разве не ясно, что такой человек, если бы он всеми силами и желал этого, никогда не будет в состоянии взвесить, насколько он может отказать требованиям настоящего во имя будущего, и потому, не будучи в силах решить этого вопроса, человек всегда выберет то дело любви, которое будет приятно для него, т.е. он будет действовать не во имя любви, а во имя самого себя. Если человек решает, что ему лучше воздержаться от требований настоящей, самой малой любви, во имя другого,

будущего требования большей любви, то он обманывает или себя, или других, и никого не любит, кроме себя одного.

Любви в будущем не бывает; любовь бывает только в настоящем. Человек же, не проявляющий любви в настоящем, не имеет любви.

Если бы люди были животные и не имели бы разума, они бы и существовали как животные, не рассуждали бы о жизни, и животное существование их было бы законное и счастливое. То же и с любовью: если бы люди были животные без разума, то они любили бы тех, кого любят: своих волчат, свое стадо, и не знали бы, что они любят своих волчат и свое стадо, и не знали бы того, что другие волки любят своих волчат, и другие животные — своих товарищей по стаду, и любовь их была бы та любовь и та жизнь, которая возможна на той ступени существования, на которой они находятся.

Но люди — разумные существа, и не могут не видеть, что другие существа имеют такую же любовь к своим, и что потому эти чувства любви должны прийти в столкновение и произвести нечто не благое, а совершенно противное любви.

Если же люди употребляют свой разум на то, чтобы оправдывать и усиливать то животное, не благое чувство, которое они называют любовью, придавая этому чувству уродливые размеры, то это чувство становится не только не добрым, но, как давно известно, делает из человека самое злое и ужасное животное. Происходит то, что сказано в Евангелии: «Если свет, который в тебе — тьма, то какова же тьма?». Если бы в человеке не было ничего, кроме любви к себе и к своим детям, то не было бы почти всего того зла, которое есть теперь между людьми. Почти все зло между людьми происходит от того ложного чувства, которое столь же похоже на любовь, сколько жизнь животного похожа на жизнь человека.

То, что люди, не понимающие жизни, называют любовью, это только некоторые предпочтения [пристрастие, зависимость %() одних *отдельных людей и обществ людских другим людям или обществам* для блага своего отдельного существа. Когда человек, не понимающий жизни, говорит, что он любит свою жену, или ребенка, или друга, он этим говорит только то, что присутствие в его жизни его жены, ребенка, друга увеличивает благо его собственного отдельного существования. ["Любить" своих это всё тот же ЭГОИЗМ %(]

Но предпочтения эти вовсе не суть истинная любовь, точно так же, как плотское существование не есть еще истинная человеческая жизнь. И как люди, не понимающие жизни, называют плотское существование жизнью, точно так же эти сами люди предпочтение одних *людей другим* называют любовью.

Чувства эти — предпочтения к некоторым существам, как например, к своим детям или даже к некоторым занятиям, например, к науке, к искусствам, люди называют тоже любовью; но такие бесконечно разнообразные чувства никак не могут быть называемы любовью, потому что они не имеют главного признака любви: они не имеют целью благо и не доставляют блага другим существам.

Сила, с которой эти предпочтения овладевают человеком, только показывают, как сильна в людях плотская жизнь. Эта сила предпочтения одних людей другим, которая неверно называется любовью, есть только дичок, на котором может быть привита истинная любовь и дать плоды ее. Но как дичок не есть яблоня и не дает плодов, или дает плоды горькие вместо сладких, так и предпочтение это не есть любовь и не делает добра людям или производит еще большее зло [Зло от "любви" (=предпочтения) %(). И потому приносит величайшее зло миру и так восхваляемая любовь к женщине, к детям, к друзьям, не говоря уже о любви к

науке, к искусству, к отечеству, — когда эта любовь есть не что иное, как предпочтение на время некоторых условий плотской жизни другим. [Всего лишь % (]

ГЛАВА 20

ИСТИННАЯ ЛЮБОВЬ ПРОИСХОДИТ ОТ ОТРЕЧЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА ОТ БЛАГА СВОЕГО ОТДЕЛЬНОГО СУЩЕСТВА

Любовь истинная становится возможной только при отречении от блага своего плотского существования.

Возможность истинной любви начинается только тогда, когда человек понял, что нет для него блага его плотского существа. Только тогда все соки его жизни переходят в один облагороженный черенок истинной любви, разрастающийся уже всеми силами ствола дичка плотского существа. Учение Христа есть прививка этой любви, как Он и сам сказал это. Он сказал, что Он, его любовь, есть та одна лоза, которая может приносить плод, и что всякая ветвь, не приносящая плода, отсекается.

Только тот, кто не только понял, но жизнью познал то, что «сберегающий душу свою потеряет ее, а потерявший душу свою ради Меня сбережет ее», — только тот, кто понял, что любящий душу свою погубит ее, а ненавидящий душу свою в мире сем сохранит ее в жизнь вечную, только тот познает истинную любовь.

«И кто любит отца или мать более, нежели Меня, недостоин Меня. И кто любит сына или дочь более, нежели Меня, недостоин Меня. Если вы любите любящих вас, то это не любовь, а вы любите врагов, любите ненавидящих вас».

Люди отрекаются от своего отдельного плотского существа не вследствие любви к отцу, к сыну, к жене, к друзьям, к добрым и милым людям, как это обыкновенно думают, а только вследствие уразумения бессмысленности своего отдельного существования и невозможности его блага. И потому вследствие отречения от жизни своего отдельного плотского существа познает человек истинную любовь и может истинно любить отца, сына, жену, детей и друзей.

При ненастоящей любви, не выросшей на самоотречении, человек жертвует своими теперешними выгодами для достижения больших выгод в будущем для себя же; но это есть только предпочтение одних существ другим для своего собственного блага. Истинная любовь, прежде чем появляться на деле, должна явиться в душе человека. Начало любви, корень ее, не есть такой порыв чувства, который затемняет разум, как это обыкновенно воображают, но есть самое разумное, светлое и потому спокойное и радостное состояние, которое бывает у детей и у разумных людей.

Состояние это есть состояние благоволения ко всем людям, которое присуще детям, но которое во взрослом человеке появляется только при отречении от блага своего отдельного существа. И чем больше человек отказывается, тем сильнее становится в нем любовь. Как часто приводится слышать слова: «Мне ведь все равно, мне ничего не нужно», и вместе с этими словами видеть нелюбовное отношение к людям. Но пусть попробует всякий человек хоть раз, в минуту недоброжелательности к людям, искренно, от души сказать себе: мне все

равно, мне ничего не нужно, и только, хоть на время, ничего не желать для себя, и всякий человек этим простым внутренним опытом познает, как тотчас же, по мере искренности его отказа падает всякое недоброжелательство, и каким потоком хлынет из его сердца запертое до тех пор благоволение ко всем людям.

В самом деле, любовь есть предпочтение других существ себе, — ведь мы все так понимаем и иначе не можем понимать любовь. Мое пристрастие к людям, мое внутреннее предпочтение одних другим, — это не в моей власти; но зато в моей власти увеличивать или уменьшать сколько угодно мою любовь к самому себе, которая зависит от того значения, какое я придал своему собственному плотскому существу. При суждениях же о любви большинство людей нашего мира имеют в виду свое внутреннее предпочтение к тем или другим существам и вовсе не говорят о своей привязанности к своему собственному плотскому существу, между тем, как от слабости этой самой привязанности и зависит вся сила истинной любви к людям.

Истинная любовь всегда имеет в основе своей отказ от своего собственного блага, и возникающее от этого благоволение ко всем людям может вырасти в истинную любовь к отдельным людям — своим или чужим. И только такая любовь дает истинное благо жизни и уничтожает кажущееся несообразие между плотскою и разумною жизнью.

Такая любовь, которая не имеет в основе своей отречения от самого себя и вытекающего из этого благоволения ко всем людям, есть только жизнь животная и подвержена тем же и еще большим бедствиям и еще большему неразумию, чем жизнь без этой мнимой любви. Чувство пристрастия, ошибочно называемое любовью, не только не устраняет борьбы между существами, не освобождает человеческое существо от погони за наслаждениями и не спасает от смерти, но только больше еще затемняет жизнь, ожесточает борьбу, усиливает жадность к наслаждениям для себя и для другого и увеличивает ужас перед смертью за себя и за другого. [Ещё хуже...]

Человек, который жизнь свою полагает в своем плотском существовании, не может любить, потому что для него любовь идет прямо вразрез с его жизнью.

Жизнь такого человека только в благе плотского существования, а любовь прежде всего требует жертвы этого блага. Если бы даже человек, не понимающий жизни, и захотел искренно отдаться любви, он не будет в состоянии этого сделать до тех пор, пока он не поймет жизни и не изменит все свое отношение к ней. Человек, полагающий свою жизнь в благе своего плотского существа, всю жизнь старается увеличивать это благо, приобретая богатства и сохраняя их, заставляет других служить его плотскому благу и распределяет эти блага между теми людьми, которые были более нужны для блага его плотского существа. [\$;(] Как же ему отдать свою жизнь, когда жизнь его еще поддерживается не им самим, а другими людьми? И еще труднее ему выбрать, кому из тех людей, кого он предпочитает, передать накопленные им блага и кому служить.

Чтобы быть в состоянии отдавать свою жизнь, ему нужно прежде отдать тот излишек, который он берет у других для блага своей жизни, и потом еще сделать невозможное: решить, которому из людей служить своей жизнью? Прежде, чем он будет в состоянии любить, т.е., жертвуя собою, делать благо, ему надо перестать ненавидеть, т.е. делать зло, и перестать предпочитать одних людей другим для своего собственного отдельного блага.

Только для такого человека, который не признает блага в плотском существовании и потому не заботится об этом ложном благе и через это освобождает в себе присущее человеку благоволение ко всем людям, — только для

такого человека возможно оказывать любовь и этим находить удовлетворение для себя и других. Благо жизни такого человека в любви, как благо растения — в свете, и потому, как ничем не закрытое растение не может спрашивать и не спрашивает, в какую сторону ему расти, и хорош ли свет, не подождать ли ему другого, лучшего, а берет тот единый свет, который есть в мире, и тянется к нему, — так и человек, отказавшийся от блага своего отдельного существа, не рассуждает о том, что ему отдать из отнятого от других людей и каким любимым существам, и нет ли какой еще лучшей любви, чем та, которая сейчас требует от него действия, а отдает себя, свое существование той любви, которая доступна ему и есть перед ним. Только такая любовь дает полное удовлетворение разумной природе человека. [Делай любовь сейчас! Истинное удовлетворение обретается в истинной любви!]

ГЛАВА 21

ЛЮБОВЬ ЕСТЬ ЕДИНОЕ И ПОЛНОЕ ПРОЯВЛЕНИЕ ИСТИННОЙ ЖИЗНИ

И нет иной любви, как той, чтобы положить душу свою за други свои. Любовь только тогда любовь, когда она есть жертва собой. Только когда человек отдает другому не только свое время, свои силы, но когда он тратит свое тело для того, кого он любит, отдает ему свою жизнь, — только это мы признаем все любовью, и только в такой любви мы все находим благо, награду любви. И только тем, что есть такая любовь в людях, только тем и стоит мир. Мать, кормящая ребенка, прямо отдает себя, свое тело в пищу детям, которые без этого не были бы живы. И это — любовь. Так же точно отдает себя, свое тело в пищу другому всякий добровольный работник для блага других, изнашивающий свое тело в работе и приближающий себя к смерти. И такая любовь возможна для человека только тогда, когда никакая преграда не мешает ему жертвовать собою ради того существа, которое он любит. Мать, могущая сама кормить своего ребенка, отдавая его кормилице, не может его любить; человек, приобретающий и сохраняющий свои деньги, не может любить. [Бабло — это зло!!! % (]

«Кто говорит, что он во свете, а ненавидит брата своего, тот еще во тьме. Кто любит брата своего, тот пребывает во свете, и нет в нем соблазна. А кто ненавидит брата своего, тот находится во тьме и во тьме ходит и не знает, куда идет, потому что тьма ослепила ему глаза... Станем любить не словом или языком, но делом и истиною, и вот по чему узнаем, что мы от истины и успокаиваем сердца наши... Любовь до того совершенства достигает в нас, что мы имеем дерзновение в день суда, потому что поступаем в мире сем, как Он. В любви нет страха, но совершенная любовь изгоняет страх, потому что в страхе есть мучение. Боящийся несовершен в любви».

Только такая любовь дает истинную жизнь людям.

«Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим и всею душою твоею и всем разумением твоим. Сия есть первая и наибольшая заповедь. Вторая же, подобная ей: возлюби ближнего твоего, как самого себя», — сказал Христу законник. И на это Иисус сказал: «Правильно ты отвечал, так и поступай, т.е. люби Бога и ближнего и *будешь жить*».

Любовь истинная есть самая жизнь. «Мы знаем, что мы перешли от смерти в жизнь, потому что любим братьев, — говорит ученик Христа. — Не любящий брата пребывает в смерти». Жив только тот, кто любит.

Любовь по учению Христа есть сама жизнь; но не жизнь неразумная, страдальческая и гибнущая, а **жизнь блаженная и бесконечная**. И мы все знаем это. Любовь не достигается какими-нибудь рассуждениями, не есть последствия каких-нибудь особенных дел; а **это есть самое радостное проявление жизни, которое со всех сторон окружает нас**, и которое мы все знаем в себе с самых первых воспоминаний детства до тех пор, пока ложные учения мира не засорили ее в нашей душе и не лишили нас возможности испытать ее.

Любовь это не есть предпочтение к тому, что увеличивает временное благо отдельного человеческого существа, как любовь к избранным людям или предметам; а то стремление к благу *всего мира*, которое остается в человеке после отречения от блага своего собственного плотского существа.

Кто из живых людей не знает того блаженного чувства, хоть раз испытанного и чаще всего только в самом раннем детстве, когда душа не была еще засорена всей той ложью, которая заглушает в нас жизнь, — кто не испытал того **блаженного чувства умиления, при котором хочется любить всех: и близких, и отца, и мать, и братьев, и злых людей, и врагов, и собаку, и лошадь, и травку; хочется одного, — чтоб всем было хорошо, чтоб все были счастливы, и еще больше хочется того, чтобы самому сделать так, чтобы всем было хорошо, самому отдать себя, всю свою жизнь на то, чтобы всегда всем было хорошо и радостно**. Это-то и есть, и эта одна есть та любовь, в которой жизнь человека. [Любить=истинно **жить!**]

Любовь эта, в которой только и есть жизнь, проявляется в душе человека, как **чуть заметный нежный росток среди похожих на нее грубых ростков сорных трав, различных похотей человека, которые мы называем любовью**. Сначала людям, и самому человеку кажется, что этот росток — тот, из которого должно вырастать то дерево, в котором будут укрываться птицы, — и все другие ростки, все одно и то же. Люди даже предпочитают сначала ростки сорных трав, которые растут быстрее, и единственный росток жизни глхнет и замирает. — Но еще хуже то, что еще чаще бывает: люди слышали, что в числе этих ростков есть один настоящий, жизненный, называемый любовью, и они, вместо него, топчя его, начинают воспитывать другой росток сорной травы, называя его любовью. Но что еще хуже: люди грубыми руками ухватывают самый росток и кричат: «Вот он, мы нашли его, мы теперь знаем его, возрастим его, любовь, любовь, высшее чувство, вот оно!» И люди начинают пересаживать его, исправлять его и захватывают, заминают его так, что росток умирает, не расцветши, и те же или другие люди говорят: «все это вздор, пустяки, напускная чувствительность!»

Росток любви, при появлении своем нежный, не терпящий прикосновения, могущественен только при своем разросе. [Вращивать в себе **любовь**, всё **разумнее** понимая жизнь!] Все, что будут делать над ним люди, только хуже для него. Ему нужно одного, — того, чтобы ничто не скрывало от него солнца разума, которое одно возвращает его.

**Самые лучшие писания Толстого смотрите в
«Толстовском листке» (есть возможность приобрести и**

печатную версию у Владимира Мороза, составителя и издателя) и в библиотеке Марселя из Казани: «Из книг».

«О ЖИЗНИ»: история писания.

Ввиду ценности справочного материала «История писания» печатается с очень незначительными сокращениями. Описание рукописей не приводится.

3 мая 1886 г. Л.Н. Толстой познакомился с приехавшей в Ясную Поляну Анной Константиновной Дитерихс, будущей женой В.Г.Черткова, сотрудницей «Посредника» и ближайшей виновницей создания книги Толстого «О жизни».

Летом того же 1886 г. Лев Николаевич возил сено для бедной вдовы и, ударившись ногой о телегу, долго после страдал от этого ушиба, получил рожистое воспаление и другие осложнения. Ему долго пришлось лежать (Воспоминания С.А. Толстой, ТЕ, 1912 г.). Произошло это около 4 августа, потому что С.А. Толстая в письме к А.Л. Фету от 15 августа 1886 г. писала: «Сижу теперь 11-й день у постели Льва Николаевича. Он нас ужасно напугал. Началось с жара в 40 градусов, рвоты и боли в ноге. Жар все время не проходит; на ноге язва, нарыв и рожа. Он страшно страдает, исхудал и ослаб».

Болезнь была настолько серьезная, что Толстой думал о смерти. В письме к А.А. Толстой (точно не датированном) он пишет: «О ноге там говорят, что воспаление на костяницы и рожа и т.п., но я знаю очень хорошо, что главное в том, что я "помираю от ноги", как говорят мужики, т.е., нахожусь в положении немного более близком к смерти, чем обыкновенно, и именно от ноги, которая указывает на себя болью. И это положение, как и вы прекрасно говорите, — чувствовать себя в руке Божией — очень хорошее, и мне всегда желается в нем быть и теперь не желается из него выходить». Письмо дальше высказывает ряд мыслей о смерти и жизни, темы, которые очень значительно захватывают внимание Толстого, как он сам несколько позже признается в ответе на письмо А.К. Дитерихс. Последняя именно в период этой болезни — 12 сентября 1886 года из Петербурга написала, а 16 сентября послала Толстому длинное письмо, в котором, извинившись за беспокойство, сообщала Толстому свои тревоги за его здоровье. «Я знаю, — писала она, — что это маловерие и что не следует бояться за вас, когда вы сами так спокойно и здраво относитесь к явлению смерти. Вспоминаю ваше письмо и Фейнермана письмо к О. Озмидовой о смерти и вечности и помню, что они произвели на меня должное впечатление, они совпали с моим настроением. Именно тогда я много думала о смерти и старалась выработать в себе полное примирение с возможностью умереть каждый день, каждый час...

Вот и это время я беспокойна, мне тяжело, невольно тяжело, что я все мучаюсь, думая о вашей болезни. В такие минуты я чувствую, что почва уплывает из-под ног и что вопросы, цепляясь один за другой, наполняют мою слабую голову и затуманивают ее. — Зачем смерть, когда такие люди так нужны? Что мне докажет целесообразность этого? Куда девать это чувство, вносящее разлад в мои мысли, как победить его, согласовать с разумом, сделать его законным, и действительно ли оно законно? Вопросы эти теснятся в моей голове и, сознаюсь, дорогой Лев

Николаевич, что чувство не мирится с теми ответами, которые изобретает мой рассудок. Я не могу знать, конечно, что нужней, т.е. лучше будет способствовать распространению учения Истины, ваша ли возможно долгая жизнь или скорая смерть? Но я знаю ведь, что вы, произведший глубокую волну в жизни духа всего человечества, вы бессмертны (если не вы лично, то — то, что в вас таково). Казалось бы, что, сознавая все это, горевать и оплакивать таких людей тем более грешно и малодушно, это значило бы считать всю работу вашу бесплодной. А тем не менее бывают минуты, когда скорбь и боль сильнее всего, и тогда я чувствую только одно, что помимо всего того, что вечно в вас, вы лично нужны и дороги нам, потому что вы — Лев Николаевич, и никто другой не может быть им...» Далее А.К.Дитерихс писала о смирении, самоотречении, браке и семье.

Толстой начал свой ответ на это письмо в самом начале октября 1886 г. В письме к В.Г.Черткову от 4 октября 1886 г. Толстой сообщает: «...От А. К-ны давно получил длинное хорошее письмо и вместо того, чтобы коротко ответить, начал по пунктам на все ее мысли. А так как одна из мыслей была о жизни и смерти, то, о чем я так много заново думал, то и начал об этом и до сих пор все пишу, т.е. думаю, записываю. Напишите ей, чтобы она на меня не обижалась. Впрочем я это передал ей с Бирюковым»* <...>

* По-видимому, о начале новой философской работы Толстой сообщил в октябре и Н.Н.Страхову, потому что последний замечает в письме от 2 ноября 1886 г.: «Какая радость, что у вас является новая работа! Художество, самая свободная и самая глубокая форма, в которой мы можем выражать свою душу, находится вполне в Вашей власти. — Но Вы, теперь, если будете писать, дадите нам христианское художество...» В письме от 11 декабря 1886 г.: «Вот бесценный Лев Николаевич, немножко моей метафизики, и она сходится с Вашею в мысли о господствующем значении сознания. И я думаю, что сознание есть высшая сила мира».

Письмо однако не было окончено. Толстого отвлекла художественная работа. 20 октября он начал «Власть тьмы», которую закончил в ноябре. Черновые же листки начатого ответа, вероятно, по просьбе А.К. Дитерихс, узнавшей от П.И.Бирюкова об их существовании, были к ней пересланы, а может быть были переданы даже самим Толстым Анне Константиновне. Она в своих воспоминаниях, рассказывая о пребывании в Москве у Толстого зимой 1886 года, сообщает:

«Я сижу около большого стола у окна и занимаюсь чем-то. Входит Лев Николаевич с листками тетрадки в руках:

— А мужа вашего нет?.. А я вот принес ему мои черновички, — он хорошо в них разбирается...

И он кладет листки на стол, около меня.

— Это все то же, — отвечает он на мой вопрос, — о чем мы с ним начали переписываться... Да, вот я — уже простите — кажется, так и не отослал к вам этого письма...

И он садится тут же у стола. Я что-то говорю о том, как бы хотелось поскорей прочесть его статью «О жизни» целиком...

— Ну, да конечно, прочтете... Все надеюсь, что авось, разрешат хоть эту книгу...

Не могу вспомнить и передать в точности, что именно говорил Лев Николаевич на тему «о жизни и смерти», — это слишком серьезная тема, которую не решаюсь передать «своими словами», а точно не запомнила (А.К.Черткова — «Из воспоминаний о Л.Н. Толстом»).

В воспоминаниях А.К.Чертковой есть неточность: о «книге» «О жизни и смерти» Толстой зимой 1886 г. еще не думал. Но приведенная сценка показывает, что со своим ответом на письмо А.К.Чертковой Толстой познакомил ее, по-видимому, сам. Во всяком случае в ноябре 1886 года черновые листы

«О жизни и смерти» были уже у Чертковых в Воронежской губернии. Об этом можно заключить по фразе в письме В.Г.Черткова к Толстому из Россоши Воронежской губ. от 9 ноября 1886 г.: «Вообще, если за последнее время я лично не получал писем от вас, то зато пришлось вынести много радости и пользы из некоторых ваших писем к другим людям. Напр. к Гале (черновые листки о жизни и смерти)»... (т. 85 наст, изд., стр.412). Галей В.Г.Чертков называет ставшую осенью 1886 г. его женой А.К. Дитерихс.

Анна Константиновна переписала присланные к ней черновые листки и оставила у себя одну копию.

В то же время очевидно у Чертковых с мѣслями Толстого о жизни и смерти познакомился редактор «Русского богатства» Л.Е.Оболенский, который в письме к Льву Николаевичу от 6 ноября 1886 года, посылая Толстому выдержку из его ответа А.К. Чертковой, писал: «Посылаю вам выписку из одного вашего частного письма, которое бы мне было желательно распространить путем помещения в "Русском богатстве". А быть может захотите сделать какие-либо изменения и добавления. В этом отрывке удивительно хорошо формулировано, как неизбежное условие жизни, поглощение личной жизни служением жизни общей». Толстой отвечал Оболенскому 14—15 ноября: «Спасибо за присылку выписки, дорогой Леонид Егорович. В таком виде неконченной она невозможна. Постараюсь закончить и тогда пришлю вам». 14-го же ноября в письме к В.Г.Черткову Толстой пишет: «Нынче получил от Оболенского письмо с выпиской из письма к вам о смерти и жизни. Хорошо бы докончить, сказать, что думаю. Спасибо, что прислал». <...>

Может быть, смерть матери С.А.Толстой в Крыму 11 ноября (С.А. Толстая ездила в Крым и должна была, вернувшись, рассказывать об этой смерти, происшедшей на ее глазах) не прошла также мимо внимания Толстого. Во всяком случае, как показывает с одной стороны дата ответа Оболенскому (14 ноября) и с другой стороны дата штемпеля на рукописи № 6 (12 декабря) несомненно, что на конец ноября и начало декабря 1886 г. падает полная переработка первого чернового варианта и превращение его во *второй вариант* будущей книги «О жизни». Этот второй вариант послужил отправной точкой для *первой редакции* книги. <...>

Вероятно, о втором варианте речь идет в письме из Москвы к В.Г.Черткову от 18 декабря 1886 г., где Толстой сообщает: «Еще последнее время урывками писал продолжение и уяснение письма к А[нне] К[онстантиновне] (знаете?)».

Этот второй вариант статьи Толстой снова посылает Чертковым, потому что В.Г.Чертков из Петербурга в письме от 2 января 1887 года пишет: «...Вашу статью о жизни и смерти мы внимательно переписываем и надеемся на этих днях вам выслать...» 15 января 1887 г. он же сообщает Толстому: «...Листки о жизни и смерти будут вам высланы, надеюсь, завтра..."» 21 янв.

1887 г. Толстой отвечает Черткову, что «... ценную посылку с рукописями до сих пор не получал, а жду их очень». Но 23-го уже января Лев Николаевич ему же из Москвы пишет, имея в виду рукописи «О жизни»: «...За переписку моей метафизической чепухи (я пробежал ее) очень, очень благодарен...» В.Г.Чертков из Петербурга 24 января отвечает Толстому: «... Меня беспокоит то, что вы не получили еще посланных мною заказных посылок. Я послал вам три. Сначала те рукописи, о которых говорил в письме, и при них переписанные листки "О жизни и смерти"... Если будете продолжать "О жизни и смерти", а кончить эту вещь непременно следовало бы по важности ее содержания, то не забудьте написать о том, что вы мне говорили, когда мы ходили по бульвару — о 3-х составных частях человека: тело, порода и вечная сторона...» В приписке к этому письму 26 января

добавлено: «...я получил ваше письмо, в котором вы сообщаете, что получили рукописи»... Таким образом 23 января 1887 года Толстой имел уже копию с второго варианта. Другая копия была оставлена Чертковым у себя. В январе же месяце 1887 г. Толстой приступает к работе над копией. В январском письме этого года из Москвы к И.Б. Файнерману Толстой сообщает: «...пишу общее рассуждение о смерти и жизни, которое мне кажется нужным. Я кое-что читал вам» (Тенеромо, «Воспоминание о Л.Н. Толстом и его письма», изд. ж. «Образование», 1906, стр. 187). На январь 1887 г., по-видимому, приходится две переделки черновика, принятого за основу дальнейшей работы. *Первая переделка* состояла в ряде крупных перестановок частей текста для логической концентрации близких мыслей и в расширении отдельных мест вставками; была введена концовка с особенным подчеркиванием темы смерти. Исправленный текст первой переделки был скопирован и снова правлен — получилась *вторая переделка*, в которой рядом с сокращениями и перестановками произведена некоторая стилистическая правка и внесена большая вставка на особом листе с темой о тождестве процессов жизни человека, животных и растений. Самый конец второй переделки дан в форме вопросов, ясно показывая установку статьи на дальнейшее расширение.

Февраль и март месяцы 1887 г. несколько осложнили работу Толстого и дали новый толчок для ее продолжения. Этим толчком явились встречи в Москве с философом профессором Н.Я.Гротом. По данным любезно предоставленным нам проф. К.Я. Гротом, Н.Я. Грот начал свою деятельность в Москве с осени 1886 года, но познакомился с Толстым несколько раньше.

В письме Толстого к В.Г.Черткову от начала апреля 1885 года из Москвы значится: «Познакомился я здесь с Гротом-философом, он мне очень понравился — надеюсь не столько потому, что он разделяет мои взгляды». В письме к брату от 7 декабря 1886 г. Н.Я.Грот пишет: «Был я на-днях у Льва Толстого и проболтал о философии часа два», а в письме от 13 декабря: «Сегодня был у меня, но, к сожалению, не застал, Лев Толстой». В начале февраля 1887 г. Н.Я.Грот был выбран временным вице-председателем Психологического Общества. В письме к брату К.Я.Гроту от 5 февраля он пишет, что готовит реферат о свободе воли к первой неделе поста, и добавляет: «Сегодня были в Румянцевском музее — вторично для осмотра — встретили там Льва Толстого, и я с ним час с лишком прогулял по бульварам и проспорил о "науке"». 12 февраля Н.Я.Грот пишет матери: «Третьего дня вечер провел у Толстого. Застал его шьющим сапоги. Он мне читал одно свое рассуждение о бессмертии разума. Моя статья "о душе" на него повлияла — он сам говорит»... Через день, т.е. 14 февраля Н.Я.Грот пишет к родителям: «В четверг вечером у меня были Л.Н. Толстой, А.А.Фет и Гиляров, и я им читал свой реферат о свободе воли для Психологического Общества. Толстому он очень понравился. Он просидел дольше всех с 7 1/2 до 11 часов, и мы много болтали и спорили о частностях, ибо в общих положениях мы вполне согласны». В письме к брату от 18 февраля Н.Я.Грот сообщает о том же, а также добавляет: «Сегодня хочу сходить к Толстому» (очевидно, побеседовать перед предполагавшимся около 24 февраля докладом). 1 марта в письме к матери Н.Я.Грот уже рассказывает о состоявшемся в среду вечером заседании Психологического Общества и чтении своего реферата. Присутствовал и Л.Н. Толстой. «Толстой сидел против меня, и его сочувственное присутствие меня очень ободряло», «прения продолжались от 10 до 12 1/2 и назначено на будущий четверг еще заседание для прений и споров».* О втором заседании Н.Я.Грот сообщает родителям в письме от 9 марта: «Бывшее в четверг заседание было очень интересно. Оно длилось от 8 до 12... Был и Толстой, стоявший за мои основные положения... В пятницу он будет читать в Психологическом Обществе маленький реферат в дополнение к моему — Понятие

жизни — и мы думаем после оба эти реферата напечатать вместе от Психологического Общества и в пользу философского журнала, могущего возникнуть в будущем...»** Сам Толстой о первом заседании 25 февр. 1887 г. Московского Психологического Общества сообщает в письме к Н.Н.Страхову 26 февраля 1887 г.: «Вчера — вы удивитесь — я был в заседании психологического общества. Грот читал о свободе воли, я слушал дебаты и прекрасно провел вечер, не без поучительности и главное с большим сочувствием лицам общества. Я начинаю выучиваться не сердиться на заблуждения».

* Реферат Н.Я. Грота «О свободе воли» был напечатан сначала в «Русских ведомостях» 1887, № 75 от 18 марта. Позже он был напечатан в «Трудах Московского Психологического Общества», М. 1889, III. См. также «Вопросы философии и психологии», 1889, I, стр.100. Л.Н. Толстой был избран действительным, а впоследствии почетным членом Московского Психологического Общества.

** Об участии Толстого в прениях см. в отчете о заседании 25 февраля «Русские ведомости» 1887, № 73 от 16 марта.

В мартовском письме 1887 г. к В.Г.Черткову из Москвы он сообщает: «... очень занят был над мыслями о жизни и суеверии смерти...»

С.А. Толстая следит за работой мужа. 3 марта 1887 г. в Москве она записывает в свой дневник: «Левочка написал повесть из времен первых христиан, теперь работает над статьей "о жизни и смерти"» (Дневник С.А. Толстой, стр.137), 6 марта запись: «Переписала "о жизни и смерти" и сейчас перечла (стр.137). 9 марта С.А. Толстая записывает: «Левочка пишет статью "о жизни и смерти" новую для чтения в Университете в Психологическом обществе» (стр.139), 14 марта: «Лев Николаевич уехал с Н.Н.Ге (сыном) в Университет в Психологическое общество, будет читать свою новую статью "О жизни и смерти". Мы с Ге спешили ее переписывать, и я весь день сегодня писала... Левочка много работал над этой статьей, и она очень мне нравится» (стр. 139). В тот же вечер сестре С.А. Толстая пишет: «Весь день писала, переписывала Левочкину статью "О жизни и смерти" (философия), которую он в настоящую минуту читает в университете в Психологическом обществе. Статья хорошая и без задора и без тенденции и чисто философская... Все это время Левочка очень много работал над этой статьей...» (Письмо С.А. Толстой к Т.А.Кузминской от 14 марта 1887 г.) О самом докладе Толстого сообщает довольно подробно в неизданном письме к матери от 16 марта Н.Я.Грот. В письме этом рассказывается, что Толстой очень сильно волновался перед докладом, совещался с Гротом и даже колебался, выступать ли. Он даже условился с Н.Я. Гротом, что может быть не явится на заседание, и просил поставить первым пунктом заседания 14 марта продолжение прений по докладу Грота. В день доклада Толстой хорошо выспался и, чтобы быть свежим, явился на заседание, переполненное публикой благодаря ожидавшемуся его выступлению, лишь к 10 часам вечера. Доклад и прения продолжались до 12 1/2 часов. Некоторые подробности этого выступления Толстого описывают газеты «Русские ведомости» и «Новое время». Последняя в № 3973 от 22 марта 1887 г. в статье Л.Б. «Понятие жизни. Сообщение графа Льва Толстого» писала между прочим: «Во избежание многочисленного стечения публики заседание это было объявлено закрытым...» В 8 часов началось заседание, приступили к прениям по докладу Н.Я.Грота: «Прения эти продолжались около 2 часов, вплоть до приезда графа, который, как это было известно раньше, не мог поспеть к началу заседания. Граф взошел в залу, когда все присутствующие, после перерыва, вновь заняли свои места. Он торопливо прошел к тому месту, которое было для него оставлено, видимо, не желая обращать на себя внимания, и, заняв его, обратился к присутствующим со следующими словами: «Я должен просить у вас извинения, господа, что не мог явиться вовремя, и потому, чтобы не задерживать вас долго, я начну свое сообщение со второй части. "Лучше сначала, граф", — раздались протестующие голоса. "Нет, право, так лучше будет", — возразил граф, — "позвольте мне остаться при моем решении", — и он принялся за чтение». Газета

«Русские ведомости» в № 73 от 16 марта 1887 г. дополняет эту справку: «членов общества собралось на это заседание более, чем когда-нибудь, — человек 70, очевидно привлеченных сообщением графа Л.Н. Толстого. Читая по писанным листам, граф Лев Николаевич пропустил первую часть своего рассуждения и начал прямо со второй, так сказать с сути вопроса, взгляды даровитого писателя не могли не заинтересовать глубоко слушателей и вызвали ряд замечаний и вопросов со стороны гг. Астафьева, Бугаева, Коленова и др. В виду позднего времени заседание было затем закрыто, но беседы отдельных членов с гр. Л.Н. Толстым продолжались некоторое время и после заседания». Обе газеты поместили стенографические записи (с купюрами) доклада Толстого. «Новое время» в том же № 3973 дало более полную стенограмму доклада (которая в виду близости текста к черновикам книги «О жизни» во второй редакции и издается девяностотомником в качестве Приложения 1-го), «Русские ведомости» в № 78 от 21 марта в виде особого фельетона под заглавием: «Понятие жизни (Извлечение из реферата Л.Н. Толстого)». При этом «Русские ведомости» объявили: «Сообщение гр. Л.Н. Толстого будет напечатано, как мы слышали, в "Трудах Психологического Общества", но часть его появится также скоро в одном Петербургском журнале».

В письмах конца марта и начала апреля Толстой сам определяет характер этой двухмесячной работы. В письме к П.И.Бирюкову (вероятно 20 марта 1887 г.) Толстой сообщает: «соскучился я о вас, милые друзья (обращаюсь к вам и Чертковым), беспрестанно о вас думаю. Верно оттого, что последнее время так был увлечен своими мыслями о жизни и смерти, что мало думал, так теперь наверстываю. Я все еще не кончил и все уясняю себе больше и больше. Когда кончу, то напечатаю у Оболенского последнюю, по моему лучшую версию, если он хочет и цензура пропустит (нецензурного кажется нет ничего)». И дальше в том же письме: «Кое что я прибавил, уяснив себе, к моим мыслям о жизни и смерти, что мне кажется ясно и полезно знать. Сообщу вам, когда оставлю эту работу и возьмусь за другую».

Н.Л.Озмидову 24 марта 1887 г. из Москвы он пишет: «Я теперь уже более месяца занят писанием о том, что есть жизнь. Хочется и надеюсь выразить совсем просто и ясно, что жизнь есть совсем не та путаница и страдания, которые мы себе представляем под этим словом, а нечто очень простое, ясное, легкое и всегда радостное».

2 апреля 1887 г. из Москвы он пишет В.Г.Черткову: «...очень я увлекся своей работой о жизни и смерти. Месяца полтора ни о чем другом не думаю ни днем, ни ночью. Вы, верно, думаете, что напрасно. Очень может быть, но не могу иначе, и работа, мне кажется, не толчется на месте, а подвигается и даже приближается к концу. Работа потому меня затягивает, что работаю для себя и для других: себе наверное много уяснил, во многом себя утвердил, и потому надеюсь, что хоть немного также подействует и на некоторых других». Того же 2 апреля Г.А. Русанову: «Я уехал из Москвы для уединения. Работаю над мыслями о жизни и смерти, переделываю то, что читал, и очень мне предмет этот кажется важен. Кажется, что разъяснение этого, т.е. того, что именно есть жизнь (у Христа это разъяснено), разъяснение Христово для людей, которые не хотят понимать Евангелия — это очень важно, нужно, прибавит счастья людям. Видите, какие гордые мысли! Что делать, они есть, и они-то поощряют к работе». («Вестник Европы» 1915, 3, стр. 12.)

С.А. Толстая также сообщает об усиленной работе Толстого в марте месяце: «Лев Николаевич очень занят своей работой по поводу статьи "О жизни и смерти", которую он читал в университете. Он ее после чтения несколько раз уже

переделывал и все еще усиленно над ней работает... Статью свою Лев Николаевич будет печатать в отчете Психологического общества, и мы немедленно ее вам пришлем. Я бы вам ее переписала, да он переделывает ее так часто и быстро, что не знаешь еще, в каком виде будет настоящее» (Письмо С.А. Толстой к А.А.Фету от 23 марта 1887 г.). «Очень интересно одно — это Левочкина статья "О жизни и смерти"; некоторое из нее было в "Новом времени", но без связи и не совсем так напечатано. Он опять ее всю переделал и очень над ней работает»... (Письмо С.А. Толстой к Т.А. Кузминской от 1 апреля 1887 г.). Надо думать также, что не без влияния на усиленную работу над статьей в марте месяце прошли факты смертей ряда лиц, хорошо знакомых Толстому. Во всяком случае С.А.Толстая сообщает в письме к А.А.Фету от 23 марта: «Лев Николаевич... озабочен очень эти дни умиранием Перфильевой, жены губернатора. Это его старый друг, и несчастная эта Прасковья Федоровна третий день в агонии (у ней рак в желудке), всех все-таки узнает и радуется приходу друзей. Хотя Лев Николаевич этого не говорил, но мне приходит часто в голову, что это умирание теперь особенно интересуется и волнует его, потому что именно этот вопрос, вопрос о жизни и смерти, его интересуется больше всего в данную минуту, когда он об этом пишет»... Она же в письме к Т.А. Кузминской от 1 апреля 1887 г. пишет: «Тут в Москве все хоронили: Полиньку Перфильеву похоронили... Ник. Як. Львов, спирит известный... Смерть Крамского* тоже нас очень поразила»...

* И.Н. Крамской — художник, рисовавший Л.Н. Толстого, умер 24 марта 1887 года.

Приведенные записи показывают, что Толстой в феврале и марте 1887 г. находится через посредство Н.Я.Грота в интенсивной связи с Московским Психологическим Обществом и именно от него получает серьезный толчок к дальнейшей работе над «О жизни и смерти». Это во-первых. А во-вторых, результатом этого общения была установка работы Толстого на статью для журнала, редактируемого Оболенским. Если отправным моментом замысла была установка на ответное письмо, то работа с января по март ясно определила установку замысла на журнальную статью. Наконец, в-третьих, к началу апреля Толстой считал, что работа «приближается к концу». <...>

Заново пишется начало. Вот его текст вместо зачеркнутого прежнего:

«Я хочу сообщить не психологическое рассуждение, а просто некоторые мои наблюдения и мысли о жизни и смерти, основываясь на таких понятиях и выражаясь такими словами, которые понятны всеми без всякого приготовления. — Вот эти наблюдения и мысли: Я живу хорошо. Давно ли? Погляжусь в зеркало, попробую побегать, тогда узнаю, что я слаб и стар; но без этого не" могу по тому, как я чувствую жизнь, — сказать давно или недавно я начал жить. Если спросить себя хорошенько, не думая о теле, то кажется, что жил я всегда. Но начнешь соображать и видишь, что не всегда, а вот люди говорят, что родился я 58 л[ет] тому назад и по всем расчетам это верно. Но что ж, разве с тех пор, как я родился, я так все и жил, все 58 лет. Стану соображать, вижу, что нет. Лет 20 я проспал не жил, потом детство почти не помню — помню только урывками, потом и в молодости и в зрелости...» и т.д.

Как указано выше, в конце февраля у Толстого возникает мысль под влиянием бесед с Н.Я. Гротом выступить с докладом в Психологическом Обществе. Этот доклад Толстой составляет следующим образом. Посещение заседаний Психологического Общества несомненно наводит его на мысль написать *особую* статью, направленную против науки и ученых. Эта особая статья — будущее «Вступление» к книге «О жизни». На обложке рукописи вступления № 28 рукой С.А.Толстой сделана запись: «Предполагается читать в Университете в Психологич. Обществе», а заключительная фраза той же рукописи явно

адресована к живой слушающей аудитории: «Вот такой опыт исследования о жизни и ее свойствах и я хотел бы предложить вам». Таким образом писалось «вступление», вероятно, между 25 февраля (заседание — на котором возникла мысль о докладе Толстого) и 14 марта (день доклада Толстого). Это «вступление» и составило первую непрочитанную 14 марта часть реферата Толстого. Из нее Л.Н. Толстой прочитал только самый конец.

Второй, прочитанной частью реферата был текст копии с пятой переделки первой редакции, перед заседанием подправленный Толстым. Другими словами, Толстой нес 14 марта к докладу уже в готовом виде текст *второй редакции* статьи «О жизни и смерти», состоящей из будущего вступления и статьи. Рукопись содержала 41 нумерованный лист в 4-ку.

Несколько слов о работе над вступлением. Черновик вступления, его *первая редакция*, очень сильно снабженный авторскими поправками, которые сводятся лишь к иным формулировкам той же тематики, отдается в копировку и прорабатывается еще раз. В результате получается *вторая редакция* вступления. Эта редакция вступления получает: полную переработку конца 3-й главы, заново написанную 4-ю главу с темой и полемикой о задачах науки, измененный образ мельницы конной на образ мельницы водяной и в связи с этим поправки отдельных мест текста, получает ряд некрупных вставок, перестановок и сокращений и общую стилистическую правку текста. В главном вторая редакция определяет текст вступления, дошедший до основного текста книги «О жизни». Многие места ее перешли в основной текст буквально.

Вторая редакция вступления была подвергнута довольно заметной *правке*. Эта правка проводилась дважды по всему тексту вступления и несколько раз по частям и очень вероятно, что именно к ней относится запись С.А. Толстой в дневнике от 14 марта: «Мы с Ге спешили ее переписывать, и я весь день сегодня писала... Левочка много работал над этой статьей, и она мне очень нравится». Главная работа этой правки была направлена на главы 3 и 4 вступления, т.е. на понятие жизни (осн. стр.316, строка 12 по стр.319 строка 37) и на полемику с наукой (осн. стр.320-323).

Написанная таким образом особо первая часть доклада для Психологического Общества, как сказано, была присоединена к пятой переделке статьи «О жизни и смерти». С.А. Толстая при перебеливании текста пятой переделки сочла было доклад органическим началом статьи и пронумеровала первые главы статьи цифрами «5» и «6» (продолжение к четырем главам вступления). Но Л.Н. Толстой не принял этого объединения, чувствуя органическую разнородность двух статей и определил докладу быть «*вступлением*» к статье.

Именно это крупное и тематическое и композиционное расширение и усложнение статьи «О жизни и смерти» особым вступлением дает право говорить о возникновении новой *второй редакции* ее. Нужно сказать, что в момент этого соединения и самая статья, т.е. белой текст ее, была стилистически подправлена, но не очень значительно.

Несомненно в ближайшие же дни после 14 марта Толстой производит очень крупную переработку статьи (без вступления) второй редакции. (Вероятно, здесь имели значение и прения по докладу.) Во всяком случае между 14 и 19 марта возникает *первая общая правка второй редакции*. Она наслоилась непосредственно на текст реферата (т.е. хранится в тех же рукописях №№ 35—43, составляя в них большую часть правочного слоя). Сущность ее сводится к следующему: а) вторая редакция получила заново написанное начало статьи. Приводим его полностью:

«Все, что только делали и делают люди, они делают для жизни своей и других людей, и только потому, что они живые, и другие люди живые. Жизнь есть и цель и средство. И мыслят и трудятся люди только в жизни и для того, чтобы иметь жизнь и наслаждаться ею. Все в жизни и все для жизни. Что же такое сама эта жизнь? Люди обыкновенно и не задают себе вопроса, считают, что это-то уж наверно всем одинаково известно и всеми одинаково понимается. И действительно есть такое понимание жизни, которое всеми одинаково понимается — от безграмотного и ребенка и до ученого мудреца. Жизнь — это то, что со мной происходит в моем теле со времени рождения моего тела до его смерти. Мы говорим жив ребенок, как бы он мал не был, старик, как бы он стар не был, пока происходит в его теле то, что происходит в моем, жива лошадь, собака, курица, мышь, пока по некоторым признакам в их телах происходит тоже, что и в моем. И спору в этом нет, и все понимают друг друга.

Если бывают расширения этого понятия в одну и другую сторону, как например, то, что мы микроскопическую клеточку называем живою, или душу умершего или духов спиритов называем живыми, то мы знаем, что это некоторое отклонение от основного понятия, и это не мешает ясности нашего всем известного понятия о жизни: того, что происходит в нашем и подобным нам телах от дня рождения и до смерти. Из этого понятия вытекает, в виду его составляются и на нем строятся все наши философские, научные, общественные житейские рассуждения и в ясности этого понятия о жизни мы не имеем никакого сомнения. — Но так ли это? Так ли ясно это понятие о жизни, как о чем то происходящем в нашем теле со времени рождения и смерти, как это представляется?

Я думаю, что нет, и что сложность этого понятия, различие значений, которые мы ему приписываем, и есть источник всех, без исключения всех заблуждений, от которых страдают люди».

б) Затем вторая редакция получает крупные вставки (описание №№ 35, 36) с темами о раздвоении человеческой личности, отречении разумного я от личности, об условности всех радостей и огорчений, в) Наконец, проведена сплошная и очень интенсивная общая логико-тематическая и стилистическая правка текста, многое сокращено, перефразировано. Общую тенденцию работы Толстого над правкой второй редакции поэтому, пожалуй, можно определить как стремление значительно укупнить объем небольшой по первоначальному замыслу статьи.

19 марта Толстым была написана особая конечная часть для второй редакции, которая с позднейшими поправками составила главы XXXI и XXXII основного текста. Черновик дался Толстому очень легко: на нем нет больших поправок. Постановка даты показывает, что автор предполагает как бы близость окончания работы. В ближайшие же дни С.А. Толстая перебеливает этот черновик, а Л.Н. Толстой обращается к правке начала статьи.

Первая правка начала статьи второй редакции (без вступления), по-видимому, сделана около 28 марта. Правка была довольно основательной. Часть начала правилась по новой копии, часть по рукописям второй редакции. Сущность правки сводилась к: а) полной логической перекомпоновке материала (иногда с помощью механической перестановки листов), б) к расширению текста новыми вставками (введены темы о религиозных решениях вопроса смысла жизни, о болях и ранах телесных, о душе как носителе жизни, о законе борьбы в жизни, о достижениях культуры как обмане, о жизни богатых и бедных и др.) и в) к основательной и сплошной логико-стилистической обработке данной части текста.

С первой правки начала второй редакции была сделана копия, и 31 марта Толстой просматривает часть вступления и новую копию начала статьи. Результатом просмотра является *вторая правка* начала, которая сводится к следующему: а) перепутавшееся и частью стершееся деление статьи на главы теперь производится заново, намечено 14 глав. Причем во время специального просмотра с черным карандашом в руках Толстой к главам на полях приписал карандашные заголовки, именно: 1. «*Вульгарное внерелигиозное понятие жизни*», 2. «*Внерелигиозное свободное понятие*», 3. «*Предположение души не обязат. понятие*», 4. «*Жизнь процессы, но это бессмысленно*», 5. «*Понятие жизни из ее цели также бессмысленно*», 6. «*Люди приписывают понятие жизни возможности жизни*», 7. «*Воспитание и отуманение в ложном понятии жизни*». Однако снабжение глав заголовками не доведено до конца, б) Весь текст копии подвергнут сплошной логической переработке (пропуски, перестановки, стилистическая работа). Среди вставок имеются крупные, например, с новыми темами о призрачности телесного я, с цитатами из Конфуция, браминов, Будды, Моисея, Христа, которые дошли (правда с позднейшими переделками) до основного текста.

Вероятно, в самом начале апреля 1887 г. Толстой, перебелив части второй правки начала, делает общий свод всех полученных в результате правок рукописей и прорабатывает этот сводный текст еще раз. Так получается *третья редакция*, которую можно назвать *сводной рабочей*. Особенности этой новой редакции сводятся к следующему. Вступление оставляется почти без поправок. Статья же, во-первых, очень заметно расширяет сравнительно со второй редакцией объем и тематику. Статья растет. Наиболее крупные новые темы: жизнь это «то, что делает человек или животное для сохранения своей личности и достижения блага», жизнь есть стремление к невозможному сохранению своей личности, человек всегда смотрит на все глазами своей среды, учения мира, отводящие человека от решения вопроса о цели жизни, навязывают ему обязанности семейные, гражданские и т.п., жизнь должна быть согласна с разумным сознанием, и написанная заново целая большая глава о страданиях. Во-вторых, весь текст третьей редакции обновлен путем сильнейшей логической и частично композиционной (путем перестановок) правки текста второй редакции. В-третьих, разбивка на главы оставлена не проясненной. Кое-где намечены будущие главы через знак «NN». Таким образом третья редакция дала почти полностью новый текст статьи, хотя и писанный по канве второй редакции.

Создание третьей редакции статьи «О жизни и смерти» чрезвычайно крупный момент в истории работы Толстого. Так, по-видимому, ощущает этот момент и сам автор. В уже цитированном письме к В.Г.Черткову от 2 апреля 1887 г. он пишет, что работа подвигается и даже приближается к концу. Но если Толстой 2 апреля еще думал, что работа «приближается к концу», то 4 апреля в письме к С.А. Толстой он пишет «... начал "Жизнь"... Вчера был Буткевич и Фейнерман». По-видимому, именно третью редакцию, составляющую результат крупного, как указано, увеличения объема и переработки текста, Толстой и ощущает как «начало» новой волны работы. Последующие апрельские письма Толстого к разным лицам определенно показывают, что эта волна работы в апреле очень сильна. Несомненно к первым числам апреля относится не датированное апрельское письмо Толстого к С.А. Толстой, где он пишет: «Утро вчера много занимался; писал совсем новую главу: "О страдании" — боли... Пересматривал, поправлял сначала. Как бы хотелось перевести все на русский язык, так, чтобы Тит понял. И как тогда все сокращается и уясняется. От общения с профессорами — многословие, труднословие и неясность. От общения с мужиками — сжатость, красота языка и ясность»...

В ответ на это письмо С.А. Толстая писала 15 апреля: «Вместо желанного, художественного, ты стал писать о страданиях. Впрочем этот вопрос меня интересует. Когда же конец этой статье? А хорошо бы, если б ты разделил ее на главы и назвал бы каждую главу по содержанию. Как это всегда помогает пониманию. Например: о боли, о радости жизни, о труде, о душе и т.д.» В последней точке зрения поддерживает Толстого и В.Г.Чертков, который 9 апреля из Петербурга пишет: «Не думайте, что я не сочувствую вашей работе над выяснением значения истинной жизни и недоразумения, называемого смертью. Я теперь все более понимаю, что желательнее только делать то, к чему влечет, а помимо этого вопрос, который вы выясняете, очень важный и выяснение его нужно людям. Для скольких людей все было бы ясно, если б только они поняли, в каком смысле нет и не может быть смерти и что смерть может существовать только для тех людей, которые отождествляют свою жизнь с своею органической оболочкой, что так же бессмысленно, как и отождествлять свою жизнь, например, с испражнениями своего тела. Одного только я немножко боюсь — это того, чтобы вы не писали об этом, имея в виду одну образованную среду. Если вы это сделаете по старой привычке, то будет очень жаль и скажете много ненужного. Все, что *нужно* людям, поддается выражению в общедоступной форме. Я в этом твердо убежден. И это прекрасное мерило для того, чтобы проверять, что действительно нужно, что нет. Ужасно хотелось бы мне прочесть, что вы написали».

11 апреля Л.Н. Толстой пишет Н.Н.Ге: «Чтение мое, о котором вы спрашиваете, это мысли о жизни и смерти, которые мне дороги и нужны и которые я поэтому стараюсь себе уяснить. Может быть, и другим пригодится. Колечка вам расскажет, а как будет в окончательной форме, то пришлю вам». 16 апреля к С.А. Толстой: «Вчера был день нехороший для писанья, не выспался, но нынче прекрасно работал, хотя все еще не кончил... осталось на раз...» В тот же день к В.Г.Черткову: «Занят очень своей работой. Ваш совет, как всегда, хорош. Надо перевести порусски. И я это стал делать, живя в деревне, имея перед собой не профессоров, но людей...» (Н.Л. Озмидову 18—19 апр. 1887 г.: «Долго не отвечал вам, дорогой... от того, что был очень хорошо занят своим писанием о жизни и смерти... Я все время, как писал вам, занят своей работой, зачавшейся во время моей болезни, подбодренный психологическим обществом. Многое для себя уяснил. Кабы Бог дал, чтобы и другим на пользу» (Письма, т. 64). В 20-х же числах апреля 1887 г. П.И.Бирюкову: «Работал о жизни и смерти так, как не бывает в городе, а сделал, как наверно вам покажется, мало. Но теперь существенное кончено, расположено по частям, остаются поправки, которые можно сделать и по корректурам» (т. 64).

Чувство близости к окончанию статьи, по-видимому, было в середине апреля у Толстого, потому что, кроме указанного письма к Бирюкову, о том же писала С.А. Толстая в письме к А.А.Фету от 19 апреля: «Вчера вернулся из деревни Лев Николаевич. Он там жил, наслаждался и работал почти три недели. Статья его пришла к концу, но еще не печатается... Того же 19 апр. 1887 г. сам Толстой пишет П.И.Бирюкову: «Я все писал свою статью, Количка переписывал, и мы чудно прожили две недели...» Но несколько позже — именно 24 апреля (?) ему же: «Статья моя о жизни и смерти все не кончается и разрастается в одну сторону и сокращается и уясняется в другую. Вообще же я вижу, что не скоро кончу, и если кончу, то напечатаю ее отдельной книгой, без цензуры, и потому не могу дать ее Оболенскому. И это меня огорчает. Будьте моим посредником между ним, чтобы он не огорчился и на меня не имел досады. Я постараюсь заменить это чем-либо другим. Пожалуйста, поговорите с ним и напишите мне» (Письма, т. 64).

25 апреля к С.А. Толстой: «С 12 до 4-х очень усердно работал, все с начала и все к улучшению, наверно». В тот же день В.Г.Черткову: «Я все работаю над жизнью и смертью и что дальше, то яснее. Эта работа для меня ступень, на которую

взбираюсь. Во время работы этой приходят мысли из той же работы, которые могут быть выражены только в художественной форме, и когда кончу или перерву, Бог даст, то и напишу...» 30 апреля к С.А. Толстой: «Вчера нездоровилось и ничего не работал. Но нынче дождик теплый, и я здоров и работал». В том же апреле в письмах, не датированных точно, еще имеются упоминания о работе над статьей: «Все работаю, и все еще не запутался, а подвигаюсь к лучшему...» «Нынче по обыкновению занимался, а Колечка и Фейнерман переписывали». «Утро я опять все, часов 5 подряд, работал над своей "Жизнью". Все хорошо подвигается. Но вчера устал и почти не выходил, и оттого вчера был в унылом духе, и из другой комнаты слушал ребят. Но здоров и спал хорошо, и опять все утро работал», «...Читаю для отдыха прекрасный роман Stendhal'a — "Chartreuse de Parme" и хочется скорее переменить работу. Хочется художественной...» «Работалось плохо...» (между 25—30 апр.) Наконец, Толстой в апреле же знакомит с рукописью Н.Н.Ге, который в конце апреля пишет Толстому: «...Я прочел о "Жизни и смерти", все там до того верно, что я иначе не мог думать и многое буквально говорил своим. Это у вас восторг. Это сама правда! Не думать так нельзя».*

* Упоминает о работе Толстого и Н.Н.Страхов в письме к нему от 25 апр.: «...конечно, очень жажду и с Вами повидаться, поговорить, если Бог пошлет благодать, о жизни и смерти, о чем Вы пишете».

В мае месяце увлечение работой еще продолжается. В письме 2 мая из Ясной Поляны к С.А. Толстой Лев Николаевич пишет: «Тем для писания напрашивается столько, что скоро пальцев не останется считать, и так и кажется, сейчас сел бы и написал. Что Бог даст после окончания "О жизни и смерти". Ведь будет же конец. А до сих пор нет. Предмет-то важен и потому хочется изложить как можно лучше. Ты думаешь, что хуже, а мне кажется, что нет...» 3 мая ей же: «Нынче работал над своим писанием...» 4 мая ей же: «Нынче почти не писал...», 5 мая ей же: «Нынче утром прекрасно работал. Самая сердцевина статьи, которая мне недоставала, нынче для меня уяснилась. И мне очень весело от этого...» В тот же день в письме к И.Б.Фейнерману: «Я все работаю над той же работой, и все, кажется, уясняется» (И.Тенеромо, «Воспоминание о Л.Н. Толстом него письма», стр.189). В тот же день к Н.Н.Ге: «по утрам пишу. Все то же и все, как мне думается, с пользой для дела» (т. 64). 8 мая в письме к С.А. Толстой: «Я два дня дурно сплю и потому вял и не работает; а не работает, и на душе не бодро. Павел Иванович усердно переписывает». 10 мая ей же: «Нынче мы тихо работали с Павлом Ивановичем (он усердно переписывает)». 14 мая к Н.Н.Ге: «...Я все копаюсь в своей статье. Кажется, что это нужно, а Бог знает. Хочется поскорее кончить, чтобы освободиться для других работ, вытесняющих эту...» 18 мая В.Г.Черткову: «Павел Иванович третьего дня уехал в Москву, прожил с неделю, и мне очень радостно было с ним. Он переписал мне всю мою статью, которую я опять вновь переделываю...» 20 мая Н.Н.Страхову: «Я все работаю над мыслями о жизни и смерти — не переставая, и все мне становится яснее и важнее. Очень хочется знать Ваше отношение к этому» (т. 64). К В.Г.Черткову 30 мая 1887 г.: «Я все живу в своей работе о жизни и смерти. И очень сильно живу ею»...

В июне работа продолжается. Очевидно в ответ на признание Л.Н. Толстого Н.Н.Страхову в чтении книг последнего («Основные понятия психологии и физиологии», Спб. 1886 и «О вечных истинах», Спб. 1887), Страхов 4 июня отвечает

Толстому: «Вы пишете, что мои мысли и книги *много помогли Вам* — это мне такая награда, похвала, гордость, что выше и быть не может». Страхов добавляет: хочу «вникнуть в то, что Вы писали о жизни и смерти — жду не дождусь свидания с Вами». 2 июня к Н.Л.Озмидову: «...сяду за свою работу о жизни и смерти, которая все не отпускает меня и радостно поглощает всего» (т. 64).

18 июня С.А. Толстая в дневник записывает: «...больше месяца, что я тут, и Лев Николаевич всецело занял меня переписыванием для него статьи "О жизни и смерти", над которой он усиленно трудится уж так давно. Только что переписал все — опять перемарает, и опять снова. Какое терпение и последовательность» (Дневник С.А. Толстой, стр.140). 21 июня она же записывает: «Сегодня он все переправлял свою статью "О жизни и смерти" и все после обеда косил в клинах, в саду» (там же, стр.142). Сам Толстой в июне (без числа) пишет И.Б. Фейнерману: «...Я все за своей работой "О жизни и смерти". Не могу оторваться, не кончив. Живу ею. Не знаю, грешу ли, но оторваться не могу» («Вспоминая о Л.Н. Толстом и его письма», стр.185).

В июле месяце работа приближается к концу. 2 июля С.А. Толстая записывает в дневник: «Левочка занимается покосом и 3 часа в день пишет статью. Дело к концу» (стр.143), 3 июля там же: «И вот я переписываю статью Левочки "О жизни и смерти", и он указывает совсем на иное благо»... (стр.143). 4 июля наконец об окончании работы Толстой извещает В.Г.Черткова: «Я кончил свою статью, посылаю печатать, все ею занимался, а кроме того покосом, и время очень полно»... 7 июля П.И.Бирюкову: «Свою статью о жизни и смерти все писал и пишу, и очень усердно, однако посылаю набирать. Страхов был и одобрил; это меня поощрило» (т. 64). 8 июля И.Б. Фейнерману: «Много работал и продолжаю работать над писанием "О жизни и смерти"» (т.64 и «Воспоминания о Л.Н. Толстом и его письма», стр. 177). Чертков 7 июля в ответ на письмо Толстого от 4 июля пишет: «Я рад, что вы кончили вашу статью. У меня к вам большая просьба, дорогой Л.Н., не можете ли вы присылать мне сюда корректурные листы этой статьи, если у вас будет лишний экземпляр. И мне, и нам всем здешним вашим братьям, так хочется прочесть ее и этим путем ближе слиться с вашей жизнью за все это время, что мы вас лично не видели. Пожалуйста, если только возможно, сделайте это. Это может оказаться полезным и для других в том случае, если издание этой статьи встретит какое-нибудь механическое препятствие, так как мы здесь скорее кого-либо другого переписем все, что вы пишете, так как имеем на то время и особенно дорожим каждым вашим словом... Не знаю представляете ли вы себе, какой радостный день будет для нас всех тот, когда получим эту статью». 21 июля 1887 г. Толстой сообщает В.Г.Черткову: «Я немножко нездоров и все занят своим писанием о "Жизни и смерти" и нынче утром...»

Очевидно Толстой как-то ознакомил со своей статьей В.Г.Черткова, потому что последний 26 июля в ответ на письмо Толстого от 21 июля пишет: «...Какую чудную статью вы написали. Пожалуйста присылайте нам корректурные листы, по мере получения вами, если окажется свободный экземпляр. Если вам нужно что переписать поскорее, то присылайте мне. Переписчиков здесь много — и все люди одного духа с вами. Если есть у вас какие-нибудь черновые, вам не нужные, то вы бы присылали их сюда. Хоть по ним я пожил бы с вами».

В конце июля Толстой уже «спешит» заканчивать работу и прибегает даже к помощи сразу многих переписчиков. Об этом рассказывает гостившая в это время в Ясной Поляне А.А.Толстая: «Лев, имея спешную работу для отсылки в Москву [это была переписка "О жизни"], просил меня и других помочь ему в этом деле. Нас рассадили по парочкам на отдельных столах, каждую даму с кавалером; составилось шесть пар. Мне достался А.М. Кузминский, и мы сидели отдельно в маленькой гостиной, другие же все в большой зале. Он диктовал, а я писала. Совсем неожиданно вдруг стали попадаться такие неуклюжие фразы, что я невольно вспомнила "непроходимые болота", как выразился раз о Толстом Тургенев, и не могла решиться не переступить болота, ни передать печати в этом виде. Кузминский, хотя и соглашался со мной, но считал невозможным простым

смертным поправлять Толстого. Я, однако ж, настояла на своем. В это время Лев, прохаживавшийся по комнатам от одного стола к другому, подошел и к нам.

— Savez vous, mon cher, que je viens de corriger votre prose au grand scandale de votre beau frere,* — сказала я.

— Et vous avez eu parfaitement raison, je ne tiens qu'a Tidee et ne fais aucune attention a mon style,** — ответил мне Лев Николаевич».

* Знаете, мой милый, я только что исправила вашу прозу, к великому негодованию вашего свояка.

** И вы хорошо сделали: я дорожу только мыслью и не обращаю ни малейшего внимания на слог.

И хотя последняя дата над рукописью в июле еще не поставлена, но все же конец июля — почти окончание рукописной работы над книгой. Окончательная дата будет поставлена 3 августа, но уже в конце июля несомненно в связи с окончанием книги Толстой приглашает в Ясную Поляну Н.Я.Грота. Грот был в Ясной Поляне 28 и 29 июля, в день приезда сильно разболелся мигренью, что объясняет своеобразное начало письма его к родителям из Ясной Поляны 29 июля: «В 9 ч. вечера я выполз, меня накормили и напоили чаем и затем Л.Н. читал нам до 12 1/2 ч. (с перерывами) свой реферат о жизни, который значительно переделал. Ему хотелось непременно услышать мое мнение. Сегодня он дочитал его до конца после завтрака». Приписка к письму в 6 1/2 час. вечера гласит: «До обеда (с самого завтрака) Лев Николаевич читал продолжение своего сочинения и все еще не кончил»...

Другая участница этого чтения гр. А.А. Толстая так рассказывает о нем: «На другой день он [Толстой] предложил прочитать кое-что из переписанного нами; это было философское сочинение, под заглавием "Жизнь"; так как он адресовался ко мне, то я и отвечала: "Буду очень рада услышать образчик вашей мудрости, но вряд ли я пойму что-нибудь: философия чужда мне наравне с санскритским языком". — Если вы не поймете, то это будет, конечно, не ваша, а моя вина, но я надеюсь, что этого не будет, — отвечал Лев. — В семь часов мы все собрались около него; он был особенно весел и любезен. — "Какая же у меня дивная аудитория!" — шутил он, окидывая нас взглядом. "Какие представители: Ал.М.Кузминский, как прокурор, представитель юриспруденции, Николай Яковлевич Грот, сам профессор философии, и, наконец", — прибавил он, указывая на меня, — "Графиня — представительница религии" (вот поистине незаслуженная честь). — Чтение продолжалось около двух часов. Я поняла гораздо более, чем ожидала; были места прекрасные, но сердце мое не дрожало и не горело. Мне казалось, что я то сижу в анатомическом кабинете, то, что я бегаю по кривым дорожкам в полуосвещенном лабиринте и все сбиваюсь, путаюсь и не могу вздохнуть свободно... Разумеется, об этом я не поведала никому, и если останавливала чтение каким-либо вопросом, то это единственно для того, чтобы дать другим слушателям возможность сказать свое слово, так как замечала, что у Грота и других скопилось много возражений на языке, но он, как и другие, не дерзал перебивать учителя; впрочем Лев был очень снисходителен к его мнению, и вечер окончился прекрасно, загладив впечатление предыдущих бурь».

На последнем листе шестой, т.е. последней рукописной редакции собственноручно Толстым поставлена дата «3 Августа 1887 г.» Это был день, когда рукопись была отправлена в печать. С.А. Толстая в дневнике 4 августа записала: «Вчера вечером повез П.И.Бирюков статью "О жизни" в печать. Слова о смерти выкинул. Когда он кончил статью, он решил, что *смерти нет*». (Дневник С.А. Толстой, стр.145). Несомненно к тому же 4 августа 1887 г. относится и приведенное у Бирюкова письмо Л.Н. Толстого к В.Г.Черткову: «П[авел] И[ванович] милый вчера уехал и увез в типографию статью о жизни. Начал я писать о жизни и

смерти, а когда дописал, оказалось, что вторую часть заглавия пришлось выкинуть, потому что для меня по крайней мере это слово потеряло совершенно то значение, какое я ему придавал в заглавии. Дай-то Бог, чтобы хоть на некоторых читателей она произвела то же действие... Я теперь после долгого времени в первый день без определенной начатой работы, и все мне открыто во все сто роны, и это очень весело». Это последнее сведение о работе над рукописями. Дальнейшие сведения говорят о начавшемся печатании и работе Толстого над корректурами.

Охватывая приведенные свидетельства, мы видим, что Толстой в течение апреля, мая, июня и июля месяцев 1887 г. целиком занят книгой «О жизни». Сопоставление свидетельств с состоянием рукописей дает право предположительно датировать и ход самой рукописной работы. Как показано выше, на начало апреля падает возникновение третьей редакции. Работа над правками третьей редакции и над четвертой приходится на апрель и май, потому что в рукописях этих текстов преобладают копии рук не С.А. Толстой, которая в это время была в Москве, а других переписчиков (очевидно П.И.Бирюкова, Н.Н.Ге младшего). Вернувшись в деревню в середине мая С.А. Толстая снова перебеляет правки Толстого и таким образом пятую и шестую редакции книги надо отнести на вторую половину мая, июнь и июль месяцы 1887 года. <...>

Текст третьей редакции автора не удовлетворил. Он мирится только с начальной частью, а две трети текста подвергает копировке по частям и правке этих частей порознь, причем частичные правки были настолько значительны, что почти не оставляют камня на камне от первоначального текста третьей редакции. <...>

По-видимому, в конце апреля или начале мая месяцев Толстой сводит воедино все исправленное, подвергает его основательнейшему просмотру, снабжает целиком рядом крупнейших вставок, среди коих заново написанная глава о любви, и логико-стилистической обработке, и таким образом получает *четвертую редакцию*, которая может быть названа 2-й сводной рабочей редакцией. В смысле приближения к основному тексту и эта редакция дает немного: несколько небольших кусков в несколько строк по разным главам да наметку важных глав о любви (XXII, XXIII, XXV и XXVI). Правда, самый текст этих глав основного текста формируется конкретным образом позже в виде наслоений на этот черновик, но думается, что написание этого черновика важный пункт работы данного этапа. Мне кажется, что именно к этому черновику и относится фраза Толстого в письме к С.А. Толстой от 5 мая: «Нынче утром прекрасно работал. Самая сердцевина статьи, которая мне недоставала, нынче для меня уяснилась. И мне очень весело от этого». Сердцевина книги «О жизни» именно главы о любви. Они датируют четвертую редакцию началом мая месяца. Но если Толстой еще далек от приближения к окончательному тексту, то сравнительно с третьей редакцией и ее частичными правками четвертая редакция должна рассматриваться как *новый шаг по пути крупного расширения тематики статьи* и именно прояснения основной темы книги — о любви. В этом, а также в логико-стилистическом обновлении состоят ее специфические особенности в отличие от третьей .редакции. <...> Насколько значительна была эта правочная работа над четвертой редакцией показывает уже тот факт, что с разных частей текста в период работы была сделана 21 копия (большей частью рукой С.А. Толстой) и внесено до десятка автографических вставок на отдельных листах, не считая сложнейшей правочной работы автора по копиям. Точно охарактеризовать эту работу Толстого над книгой можно было бы только в особом исследовании. Здесь же уместно указать, что главная линия устремлений автора в работе правочной над четвертой редакцией прежняя: это продолжающийся

процесс расширения тематики и, главное, поиски новых логических формул для намеченных основных тем. <...>

Другое важное, что можно сказать о правках четвертой редакции, это то, что в них начинают отсеиваться и отстаиваться отдельные куски текста, сохранившиеся или целиком или сравнительно слабо деформированными в позднейшей работе до основного текста книги. Таковы *во-первых* совершенно законченная работой вступление к книге «О жизни», которое в позднейших 5 и 6 редакциях уже совершенно не затрагивается обработкой, и которое в виде, полученном в 4-й редакции, и идет в печать, и *во-вторых* таковы отдельные места в главах основного текста I, II, III, IV, VI, VII, VIII, XI — XVII, XX - XXIX. Причем главы XXII и XXVIII в больших своих частях сформированы именно на данном этапе работы.

Если верна датировка самой четвертой редакции началом мая месяца, то правочная работа, вероятно, приходится на вторую половину мая и июнь 1887 года. <...>

Толстой сам еще раз производит общую сводку всего материала статьи (отложив в сторону готовое вступление), нумерует эту сводку собственноручной пагинацией постраничной 1—289 и таким образом получает *пятую (третью сводную) редакцию* текста. Собственно весь процесс правки 4-й редакции и был дифференцированным процессом перевода ее в вид 5-й редакции. Одновременно с пагинацией, как кажется, Толстой сделал попытку упорядочить и общую конструкцию статьи, выросшей в книгу. Была сделана общая наметка деления на 32 главы, которые, однако, не совпадают еще с главами основного текста.

Текст пятой редакции затем подвергается сложнейшей и мозаически-мелкой обработке. Разбив книгу на несколько кусков, Толстой беспощадно относится к большей части созданного за десять месяцев текста, и весь процесс работы его состоит в том, что он рассыпает каждый кусок на мелкие листки, правя их порознь, отдавая в перебелку, затем соединяет исправленное в новые своды, чтобы снова править, рассыпать и сводить. Если сказать, что первые 60 страниц пятой редакции знали за время переделок 13 разных копий и три общих сводки, что страницы 61—76 знали 9 разных копий и три общих сводки, что страницы 277—289 знали крупные перестановки, 38 разных копий, несколько вставок, пять новых пагинаций, один конспект всей книги, один конспект части книги, что следовательно вся правка пятой редакции знала не меньше 60 разных частичных копий, то станет понятным, что к концу этой работы оставалось сравнительно немного в тексте нетронутым и что к 6-й редакции текст книги почти полностью обновился.

В каком направлении велась правка 5-й редакции, показывает прежде всего сравнение объема ее с финалом правки. 289 страниц превратились в 410, т.е. текст в среднем увеличился почти на 40%. Были вчерне сформированы в виде особых вставок значительные части глав XXIII, XXV, XXVII и XXXII и была произведена полная логико-стилистическая переделка текста. Кое-что из вставочной работы над пятой редакцией вошло и в другие главы (III, VII, VIII, IX, XV, XVIII, XIX, XX, XXIV, XXVIII, XXIX, XXX, XXXI и в прибавления). Чрезвычайно характерна для отдельных мест книги полная перестановка, перекомпоновка текста <...>

Как указано выше, правочная работа над пятой редакцией в конце концов превратила книгу в *шестую редакцию*, которая была последней рукописной. <...>

3 августа 1887 г. было датой окончания работы над рукописью книги «О жизни», слова о смерти выброшены из заглавия. Вечером того же дня П.И.Бирюков повез книгу в Москву для печатания. Однако шестая редакция

книги не была последней. Начавшееся печатание вызывает новый и такой значительный приступ работы автора над корректурами, что можно говорить — окончательный текст книги получился только как особая *седьмая (корректорная)* редакция <...>

3 августа вечером П.И.Бирюков увез книгу в Москву, а 8 августа датированы первые корректурные гранки. Таким образом печатание начался тотчас вслед за окончанием книги. Бирюков сообщает: «Когда я, пробыв несколько дней, собрался ехать в Москву, Лев Николаевич дал мне с собой всю рукопись с поручением сдать в набор в типографию Мамонтова, что я и сделал. При этом Лев Николаевич просил меня передать профессору Гроту его просьбу продержаться корректуру. Этим он хотел искусственно оторваться от своей работы». Однако Толстой и сам продолжает работу над корректурами, и руководит корректурами Н.Я.Грота, и даже при случае совместно с ним правит текст. Все три случая представлены сохранившимися корректурными листами. <...>

Толстой в Дневнике записывает: «Поправляю свою печатающуюся статью, но дело идет очень медленно». В сентябре сам Толстой сообщает И.Б.Фейнерману: «Работаю письменную работу. Все кончал "О жизни". Печатается. Верно, не пропустят» (И.Тенеромо, «Воспоминание о Л.Н. Толстом и его письма», стр.179). <...>

8 ноября 1887 г. Толстой П.И.Бирюкову: «...поправляю и довольно много и с увлечением последние главы о жизни. Должно быть на следующей неделе все будет отпечатано» (т.64).

10 ноября Н.Н.Страхову: «О жизни печатается. Грот с удивительным усердием держит корректуры; на будущей неделе должно быть все будет набрано, и к концу месяца, вероятно, наступит решение вопроса для цензуры — сжечь или нет. Жалко будет, — я имею смелость думать, что многим эта книга будет утешением и опорой. Разумеется употреблю все старания, чтобы в случае не пропуска оставить вам экземпляр». 18 ноября С.А. Толстая пишет Т.А. Кузминской: «Левочка все занят корректурами своей статьи, которая на-днях должна выйти из печати и поступить в нашу кровожадную цензуру». <...>

С другой стороны, Толстой руководит корректурной работой Н.Я.Грота. В середине сентября он пишет Н.Я.Гроту: «Je vous prend au mot, дорогой Николай Яковлевич, и прошу вас держать мои корректуры. Воздержусь от выражения моей благодарности и пишу прямо о деле. 1) Корректуры подписывайте к печати, если не найдете ничего такого неладного, о котором бы надо списаться со мной. О цензурности совсем не думайте и не принимайте в соображение. 2) Если милость ваша будет делать синтаксические изменения и исключения (поправки), делайте, чем больше, тем лучше. 3) По существу не делайте мне возражений. Я уж слишком много переработал эту работу, и всякие замечания, особенно одобрительные, очень путают меня. Остальное и подробности передаст П.И. У нас Фет, и я заработался, и потому с трудом собираю мысли и больше не пишу». («Н.Я.Грот в очерках, воспоминаниях и письмах», стр.212—213.) Грот ответил 30 сентября согласием: «Только что был у меня Павел Иванович с Вашим письмом и поручением. От души рад, что могу быть Вам полезен, и приложу все старание, чтобы сделать дело как можно лучше. В случае серьезных сомнений позвольте все-таки прибегать к Вам...» (т.64). В октябре 11—12 Толстой пишет П.И.Бирюкову: «Гроту, пожалуйста, скажите что "вступление" я отнес к примечаниям, но потом думаю, что надо оставить его "вступлением" и колеблюсь. Не будет ли он так добр решить это за меня. А еще то, что я желал бы просмотреть то, что идет после тех глав, которые мы с вами переправили. Пожалуйста, скажите то же и в типографии. Они теперь мне ничего не посылают. Представьте себе, что у Канта

все то же самое сказано, и чудесно во многих местах». Самому Н.Я.Гроту Толстой пишет 13 октября: «Я писал П.И.Бирюкову, прося его передать вам мои некоторые просьбы о печатании, но так как он может не скоро быть в Москве, то повторю их. Есть "вступление", напечатанное мелким шрифтом: я написал на нем, чтобы его печатать, как прибавление к концу книги, но потом усомнился, не лучше ли оставить его вступлением. Будьте добры, прочтите это вступление и решите — оставить ли его вступлением или отнести к прибавлениям. В пользу его говорит то, что оно наводит читателя на главный смысл книги, против него говорит дурной тон его. У меня весы стоят совсем ровно, так что ваше мнение пускай перевесит в ту или другую — т.е. решите вы...» («Н.Я.Грот в очерках, воспоминаниях и письмах», стр.219—221). Н.Я.Грот ответил 25 октября: «Прочел Ваше вступление (прибавление) и нахожу, что его надо напечатать, как вступление, в начале. Это прекраснейшая вещь, которая не только полезна, но и необходима, как подготовка ума читателя к чтению остальной» (т.64). <...> 14 октября в письмах к брату и матери Н.Я.Грот пишет, что очень занят и добавляет в письме к матери: «Сегодня подписал к печати 1-й лист (после 4-й корректуры), а в наборе всего 4 листа. Но эту вещь не пропустят, конечно, так как он и тут нападает немного резко на фарисеев, т.е. духовенство наше». <...> 21 ноября К.Я. Гроту: «корректуру Толстого кончаю на следующей неделе. Вижу с ним ежедневно. Он часто заходит в 3 часа дня, и мы идем пешком в типографию (в Леонтьевский переулок) — взад и вперед. Его книжку я так полюбил, что мне будет не хватать ее, когда корректура кончится».

Из приведенных свидетельств уясняется, что книга «О жизни» печаталась в типографии А.И. Мамонтова и что корректуру держал и сам Толстой и Н.Я.Грот, а иногда оба вместе. Эти обстоятельства надо учесть и при изучении корректур книги «О жизни». Наконец, книга печаталась около пяти месяцев (август — декабрь), так как имеются корректуры с типографскими датами от декабря.

Корректуры книги «О жизни» сохранились не все. Почти не сохранились верстаные листы, недостает многих гранок. Но и то, что сохранилось, показывает очень большую работу, проделанную Толстым после шестой редакции. <...>

К январю 1888 года книга была отпечатана полностью. Печатный текст, как показывает даже краткий обзор работы автора над корректурами, представляет действительно особую, новую ее редакцию, в которой помимо крупного изменения текста части глав, произведена сравнительно с шестой редакцией и перекomпоновка текста, и расширение тематики, и некоторое композиционное изменение (введены новые главы и три прибавления. Самый заголовок «заключение» тоже введен в корректурах), и произошло даже, пожалуй, некоторое расширение идеи книги: первоначальная идея любви обогащена в новых главах более выпукло поставленной идеей оправдания страданий, зла на земле.

Эпиграфы были внесены в книгу в последних верстаных листах и поставлены на особом листе после титула. Оглавление появилось тогда же путем механической сводки всех подзаголовков.

Так писалась и дорабатывалась во время печатания книга Толстого «О жизни».

Хронология работы приблизительно следующая:

Работа над *Первой редакцией* падает на время с октября 1886 г. по март 1887 г. *Вторая редакция* получена около 14 марта 1887 г. *Третья редакция* — к началу апреля 1887 г. *Четвертая редакция* к началу мая 1887 г., *пятая редакция* — конец мая и июнь 1887 года. *Шестая редакция*—июль и начало августа 1887 г., *седьмая редакция* работалась в августе — декабре 1887 г. <...>

Насколько важное значение придавал сам Л.Н. Толстой книге «О жизни», показывает письмо его от 17 окт. 1889 г. к В.В.Майнову: «Вы спрашивали, какое сочинение из своих [я считаю] более важным? Не могу сказать какое из двух: "В чем моя вера?" или "О жизни"» (т.64).

ИСТОРИЯ ПЕЧАТАНИЯ.

Во время печатания Толстой охотно говорит о книге с друзьями. Так 20 сентября 1887 г. он пишет Н.Л. Озмидову: «Очень бы хотелось поскорее сообщить вам мою статью о жизни, я уверен, что она придется вам по сердцу. Вопрос о единстве того закона разума, которого проявления мы видим вне себя в природе и который мы сознаем в себе, как закон своего блага — там, я надеюсь, изложен хорошо. Закон единый, различие только в том, что там мы видим, как он исполняется, но исполняем не мы, а в себе мы не видим его, но должны неизбежно исполнять его для своего блага». (Письма, т.64.) <...> В сентябре — октябре В.И.Алексееву: «Хотелось бы мне вам послать свою статью о жизни. Я начал с заглавием о жизни и смерти, но когда кончил, то вычеркнул слова "и смерти", потому что слова эти потеряли свой смысл. Знаю, что многие, и наш милый друг Алексей Алексеевич [Бибиков], которого целую, посмеются над этим и скажут страшное слово "мистицизм", но вы, вероятно, согласитесь со мной... Статья печатается, да еще корректур всех нет. А когда будут, pošлю вам» (т.64). В декабре И.Б. Фейнерману: «Вчера только кончил совсем свою статью о жизни. После завтра пойдет в цензуру. Если пропустят, пришлю вам тотчас, а нет, то несколько погодя» (т.64). <...>

В письме от 30 октября В.Г.Чертков сообщает: «...Мы дочитали ваши корректурные листы. Как это хорошо и как это поднимает. Пожалуйста, пришлите продолжение лишь только возможно, так это нам хочется и нужно». <...> В письме от 5 ноября Страхов просит: «Я часто вспоминаю о вашей печатающейся книге и думаю, что если ее задержат, то мне не скоро придется ее читать. Если вам можно как-нибудь этому помочь, то очень прошу вас об этом. Как бы мне важно было прочесть теперь то, что я читал в Ясной». 6 ноября: «Дай Бог, чтобы пропустили Вашу книгу».

Действительно, в июне 1888 г. Н.Н.Страхов сообщает Толстому: «Недавно я усердно занимался и Вашею книгою "О жизни". Из Америки пришли, наконец, корректуры перевода, сделанного г-жею Harwood; она просмотрела их и дала мне, говоря, что не нашла никаких затруднений при переводе, так что у нее нет вопросов предложить мне. Действительно, я убедился, что она в совершенстве понимает Ваш подлинник, а перевод ее меня привел в восхищение совершенною точностью, буквальною передачею текста и тою ясностью, которая свойственна английской речи.

К несчастью, она меня торопила, и я успел просмотреть только вторую половину книги. В пяти—шести местах я нашел чуть заметные пятнышки, в которых отчасти виновата была рукопись; она все поправила и теперь уже отослала назад. Вообще я убедился, что Ваша книга явится в Америке в наилучшем виде, какого можно желать. Седовласая г-жа Гапгуд очень привлекательное существо... Жизнь есть любовь и нет другой жизни, стоящей этого названия — какая тема. А они — запретили Вашу книгу».

Вслед за английским переводом стали появляться переводы на другие языки. Так, известны: перевод на датский язык 1889 г., два перевода на чешский язык 1895 и 1904 гг., два перевода на немецкий язык (один 1891 г. и другой, дату коего установить не удалось), один на итальянский язык 1908 г.

Одновременно с первыми переводами книги на французский и английский языки, делается попытка издать хоть часть книги и на русском языке. Весьма возможно, что инициатива этой попытки шла не от самого Толстого. В номерах 1, 2, 3, 4 и 6 за 1889 год петербургской еженедельной газеты «Неделя», издававшейся ПЛТайдебуро-вым, появились из книги «О жизни» — главы: XXII—XXV, XXVII—XXXV и заключение, с особым заглавием: «Мысли о жизни» и тремя подзаголовками: «I. Любовь». «II. Страх смерти». «III. Страдания». Статьи в каждом номере газеты подписывались «Лев Толстой». Это было первое легальное издание в России части книги «О жизни». Текст изданных в «Неделе» глав заметно сокращен, в ряде случаев несомненно по цензурным соображениям (купюры рассуждений о Христе, тюрьмах, бомбах и т.п.) и местами подправлен.

Но особенно популярным и послужившим оригиналом для перепечатки было «Полное собрание сочинений запрещенных в России Л.Н. Толстого». Том IX. «О жизни», изд. «Свободное слово» № 70, под редакцией В.Черткова. Christchurch, Hants, England, 1903.

Заслуживает упоминания также издание П.И.Бирюкова 1913, XIII, статья «О жизни» на стр.244—366. Дата 1887. В примечании редактора на стр.461 сказано: «Большое сочинение "О жизни". Проверено и напечатано по тому варианту, которое (sic) было прокорректировано самим Львом Николаевичем и проф. Гротом и издано самим Львом Николаевичем, но уничтожено цензурой. Экземпляр такого издания сохранился в Архиве кн. МЛ. Оболенской и теперь находится в Толстовском музее в Москве». Действительно, это издание устранило ряд грубых ошибок в тексте, допущенных предшествующими изданиями, но все же полным воспроизведением издания 1888 г. оно считаться не может, так как оно приняло ряд отклонений, допущенных изданием «Свободного слова». <...>

Для полноты изданий надо упомянуть о подпольных изданиях «О жизни» в 1880-е годы в России. Их было, несомненно, несколько. О литографированных изданиях упоминает в вышеприведенных письмах В.Г.Чертков. Нам известны два издания, сделанные гектографическим способом.

Сам Толстой в письме к Н.Н.Страхову от 24 января 1888 года сообщает: «Книга "О жизни" все в духовной цензуре. Едва ли пропустят. Во всяком случае пришлю вам». В письме к Л.Ф. Анненковой 28 февраля 1888 г. (в издании неверно датированно 1889 г.) Толстой пишет: «Книга о жизни все еще находится официально на рассмотрении духовной цензуры (скоро три месяца) и экземпляры продолжают быть запечатаны; те же, которые у нас с женою есть, все расхвачены и тотчас берутся, как только возвращаются. — Как только будет свободный экземпляр, то пошлю вам». Того же 28 февраля Г.А. Русанову: «...Вопрос "О жизни" все еще не решен, не дают ответа из духовной цензуры. Я надеюсь, что пропустят, а нет, то закажу списать для вас. Если же пропустят, оставлю вам экземпляр» (т.64). В феврале же 29-го Бирюкову он пишет: «"Жизнь" до сих пор в духовной цензуре, и так как нет ответа, то и не посылается для печатания за границей». То же в письме к В.Г. Черткову 2 марта: «"О жизни" до сих пор в духовной цензуре». К марту перспектива безнадежности разрешения очевидно выяснилась, потому что В.Г.Чертков 5 марта пишет: «Дорогой Л[ев] Н[иколаевич], прошу вас, пожалуйста, если только есть возможность, попросите, чтобы вам дали еще один экземпляр вашей статьи "О жизни" раньше, чем ее могут запретить. Мне очень хотелось бы и нужно иметь экземпляр как для внимательного и спокойного прочтения, так и для переписки для других...» Толстой продолжает давать книгу друзьям. В апреле 1888 г. Н.Н.Ге пишет Толстому: «Получил я "О жизни", прочел, все понял и счастлив. Брат мой Осип Николаевич переписывает... Книга ваша превосходна...»

5 апреля выяснился ответ цензуры. Книга была представлена в отпечатанном виде в Московский Цензурный Комитет. «Этот последний, рассмотрев, представил ее Синоду, заявив в своем заключении (25 января 1888 г. № 126), что Толстой в этой книге выставил руководством "не слово Божие, а единственно и исключительно человеческий разум", что эта книга внушает недоверие к догматам и порицает любовь к отечеству и потому на основании ст. 4 и 265 Цензурного устава "подлежит безусловному запрещению". 5 апреля 1888 г. Синод "слушал" и, согласившись с замечанием Цензурного Комитета, постановил "запретить" и обязать типографию сдать в Архив Комитета цензуры все 600 экземпляров». Архиепископ Херсонский Никанор в частном письме к Н.Я. Гроту 13 мая 1888 г. так объясняет это осуждение: «Я читал Толстовскую *Жизнь* в святейшем Синоде, не дочитал. Он — ум, правда, тонкий, изворотливый, даже скажем — инде глубокий. Но все это сцепление самых... шитых нитками софизмов... *Жизнь* осуждена Московским Духовно-Цензурным Комитетом. Свят. Синоду оставалось только утвердить... Кстати. Мы без шуток собираемся провозгласить торжественную анафему Фофанову, его учителю Толстому, быть может и Пашкову, да и другим кстати».

Итак, русской цензурой книга была запрещена. Толстому оставалось распространять ее прежним путем, т.е. путем переписки, нелегальной печати и печатания за границей.

ПЕРЕДЕЛКИ

В конце 1888 г. у В.Г.Черткова возникает мысль сократить и изложить книгу «О жизни» более упрощенным языком. «Рукопись читалась перед несколькими крестьянами, интересовавшимися религиозными вопросами, и исправлялась сообразно с их замечаниями или пересказами». Специально по породе этой переработки между Толстым и Чертковым завязалась переписка. 23 декабря 1888 г. Чертков сообщает Толстому: «Я начал перекладывать "О жизни"». 27 января 1889 г.: «...я занимаюсь теперь упрощением изложения вашей книги "О жизни" и на этих днях вышлю вам два варианта переложения первых глав на ваш суд». <...>

Таким образом Толстой принимал участие в течение года в своеобразной переделке книги «О жизни» для народа. Переделка эта, не законченная, в печати появилась уже после смерти Л.Н. Толстого, в 1916—17 гг. «Об истинной жизни» Льва Толстого (Упрощенное изложение книга: «О жизни» Л.Н. Толстого, исправленное и одобренное автором), «Единение» 1916, 1 — 3 и 1917, 4. В виду ее интереса и активного участия в ней Толстого, издаем ее в особом приложении № 2.

Вторая переработка книги «О жизни» принадлежит американскому юристу Болтон Голлу (Bolton Hall). <...>

28 февраля в письме к В.Г.Черткову Толстой пишет: «Получил от одного американца Bolton Hall из Нью-Йорка очень хорошее сокращение книги о жизни, которую он хочет издать». Самому Bolton Hall Толстой 2 марта 1897 г. написал письмо, которое приводим в переводе с английского: «Милостивый Государь. Я получил вашу книгу и прочел ее. Я думаю, что она очень хороша и передает в сжатой форме совершенно правильно главные мысли моей книги. Надеюсь, что эта книга в такой новой форме будет для широкой публики полезна в том смысле, в каком я желал, более, чем оригинал. С глубокой благодарностью и пожеланием успеха вашей книге остаюсь искренно ваш Лев Толстой». (См. т.70.)*

* «Толстовский листок» печатает статью по тексту «Юбилейного издания» (т.26)